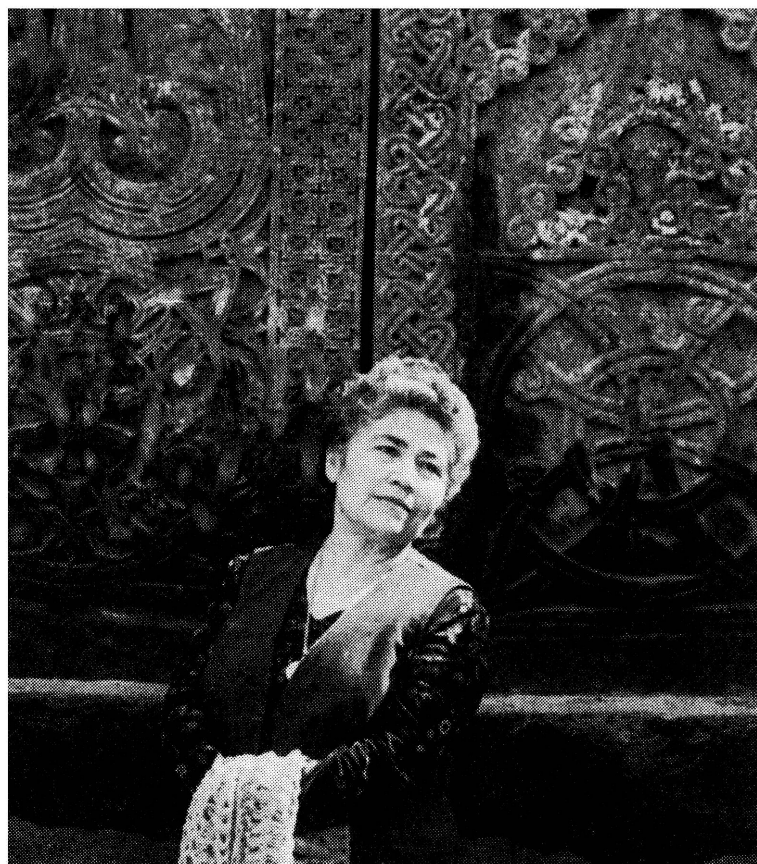

Сильва Капутикян

Не смею
ты меня

забыть!

ИЗБРАННОЕ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

НЕ СМЕЕШЬ ТЫ
МЕНЯ ЗАБЫТЬ !

ИЗБРАННОЕ

*Предисловие
Валентина Оскоцкого*

ACADEMIA
Москва
MCMXCIX

**БЛАГОДАРНОСТЬ МОЕМУ
ПЛЕМЯННИКУ
АРМЕНУ МОВСЕСЯНУ,
КОТОРЫЙ СОДЕЙСТВОВАЛ
ИЗДАНИЮ ЭТОЙ КНИГИ
В ПАМЯТЬ СВОЕГО ОТЦА
ПАРТЕВА АКОПОВИЧА
МОВСЕСЯНА.**

Автор

АВТОГРАФ. ДНЕВНИК. АВТОПОРТРЕТ

Иные строки поэта сопровождают тебя годы и годы. Так вышло со стихотворением Сильвы Капутикян “Ушел...”, открывающим эту книгу избранного. Заприметил я его давно, едва ли не сразу после публикации в русском переводе. А заворожило, покорило оно меня много позже, когда впервые услышал, с какой заразительной страстью читает его сама Сильва Капутикян. Это случилось в начале 70-х, на литературных вечерах в Тюменской области, на площади древнего тобольского Кремля, которую запрудила многотысячная толпа людей пришедших на праздник поэзии. Сильва Капутикян стояла на краю дощатого помоста импровизированной сцены, и энергичные ее слова звучали с таким непоказным драматизмом, что не могли не вызвать ответного отклика. По тишине, наступившей в один миг, легко было понять, что отныне им суждено оставаться дорогим достоянием той благодарной, признательной памяти сердца, которая, как известно, всегда “сильней рассудка памяти печальной”.

Более четверти века минуло с той поры. И вот автор снова читает давнее, датированное 1948 годом стихотворение. Это происходит в осеннем Переделкино, дождливом и стылом, в только что открытом Доме-музее Булата Окуджавы. Произнеся взволнованное слово о поэте, которому принадлежали и переводы нескольких ее стихотворений, Сильва Капутикян начала собственный творческий вечер. И вдруг запнулась, забыв строку из “Ушел...” Секундную, не дольше, паузу прервали нетерпеливые голоса слушателей, подсказавших тут же:

*Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь,
В окно влечу я нежным ветром,
Закроешь — бурей ворвусь.*

(Перевод М.Львова)

Влетать ветром, врываться бурей — в природе поэтического слова Сильвы Капутикян, органичного ее натуре поэта, сильной и стойкой, цельной и устремленной. Если искать поэтому какое-то всеобъемлющее понятие, способное охватить и соотнести мир творчества и мир души, то более всего к стати будет “гармония”. Сильва Капутикян из тех истинных поэтов от Бога, которым неведомы разнотечения между жизнью и искусством, разлад между речью обыденной и поэтической. Слово для нее — точнейший сейсмограф лирического переживания, в напряжении которого испытывается чувство, вынашивается мысль, совершается прорыв от быта к бытию. Оттого эмоциональная насыщенность стихотворной интонации, мелодии, ритма всегда под стать высокому накалу раздумий о себе ли во времени или о времени в себе.

“Ушел...” — не самое раннее стихотворение Сильвы Капутикян из числа включенных в настоящее избранное. Начальные стихи циклов “По народным мотивам” и “Шуточные” написаны и того раньше — в довоенном 1940 году. Многие другие рождены непосредственно в “сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...” или в первые послевоенные — последние присталинские годы. Полвека и больше назад! Но удивительное дело: перечитывая их сегодняшними глазами, следов ученической пробы пера даже в ранних стихотворных строках не находишь. Исключая разве что бодряческий — 1951 год!, — “Вечер”, стилизованный под Исаковского и подражательно перефразирующий его “Одинокую гармонь”. Но там, в первоисточнике — и то благо! — грусть и печаль, хотя бы ненадолго омрачающие общий бравурный настрой тогдашней лирики. Здесь, в вариации на заданную тему, “Восемь каменниц, восемь ровесниц, // Всем восьми — девятнадцатый год”, которым не оставлено в безоблачной жизни ничего другого, как или молчать “от неясного счастья”, или смеяться с задорным жизнерадием: “Только в сердце от радости тесно, // Только щеки горят горячо...” (перевод В.Тушновой).

Казалось бы, чего проще: не вставлять в избранное — и вся недолга. Но хорошо, что стихотворение

не выпало. На фоне этой редкой для Сильвы Капутикян обязательной дани мажорным мифологемам эпохи, в которую она начинала творческий путь, искала и находила собственный самобытный голос, ярче высвечивается то незаемное, неповторимо свое, с чем пришла она в многовековую армянскую литературу как оригинальный поэт лирического самовыражения.

Не забудем: то было время, когда самое это понятие заведомо отвергалось как сомнительное, безыдейное, не отвечающее своим индивидуалистическим духом коллективистским догматам соцреализма, в антиэстетической системе которого личностное “я” поэта в лучшем случае — о худших не говорим! — объявлялось сущим вздором. И вдруг — см., например, “Забвение” (1945 г.), “Живи как хочешь” (1946 г.), “Весна” (1948 г.) — сплошняком я, я, я. Вплоть до обескураживающего самопризнания: “Люблю так безрассудно я, так шало, // Как любят море, солнце, лунный свет” (перевод Эм. Александровой). Нет, что ни говорите, а прав, выходит, был великий и мудрый, наставляя и самый приметный по тем временам цикл любовной лирики “С тобой и без тебя” издать не больше чем двумя экземплярами...

Уместно вспомнить, как много шума в преддверии второго писательского съезда наделали строки Ольги Берггольц о любви, содержащие такое доверительное откровение:

*Я сердце свое никогда не щадила:
ни в песне, ни в горе, ни в дружбе, ни в страсти...
Прости меня, милый. Что было — то было.
Мне горько.
И все-таки все это — счастье.*

Как же неистовствовали трубадуры казенного оптимизма! Если счастье — горечь, тоска, боль, а дальше по тексту, — слезы, удушье и прочие несуразные страсти-напасти, то что же тогда остается несчастьем?

Невольный или, вполне может статься, вольный, намеренный ответ на подобную казуистику по-своему дает Сильва Капутикян всей пестроцветной гаммой

переживаний, потрясений, чувств, взаимоисключающих лишь на сторонний, приблизительный и поверхностный взгляд. С одной стороны, “Хоть из чужих объятий — // Приди, приди, приди!” (перевод М.Петровых), с другой, в стихотворении “Годы спустя”: “Я образ твой хочу сберечь, // Я не хочу с тобою встреч, // С тобой, потухшим, серым, злым... // Ступай один путем своим” (перевод И.Снеговой).

Противоречие, доведенное до антиномии? Ничего похожего. И там и здесь первозданная правда исповеди, исторгнутая чутким, ранимым, звенящим, как струна на ветру, сердцем, выстрадавшим безусловное право на безбоязненное признание: “Я слабой была, но я сильной была...” (перевод Б.Ахмадулиной).

Помимо всего, очевидное созвучие и тому “Ответу” — так нескрываяемо полемично называлось стихотворение, — какой давала своим учителям и Ольга Берггольц, поэт, думается, во многом близкий Сильве Капутикян открытостью сердца, темпераментом и строем души, характером дарования, истово убежденного в природности, естестве исповедального самовыражения:

*А я вам говорю, что нет
Напрасно прожитых мной лет...*

.....
*... любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной, —
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.*

Выразительная, но не единственная точка сопряжений лирических исповеданий Сильвы Капутикян и стихов ее русских, старших и младших, современников. Так, видимо, закономерно, что не кому иному, а именно Белле Ахмадулиной принадлежит перевод стихотворения Сильвы Капутикян, созвучного и ее собственным давним строкам о нелепой разъединенности, разобщенности близких душ, и строкам о том же раннего Евгения Евтушенко.

*Объятый именем моим,
идешь по улице с другой.
Я, с кем-то чуждым и другим,
иду по улице другой.
Несчастливы и я, и ты,
и те, чьи милые черты
Нам не милы. О плач земной:
Всегда — с другим, всегда — с другой!*

Не случайные совпадения, но примечательные переклички: поэты разных поколений, представляющие разные национальные литературы общими творческими усилиями пробивали железобетонную плотину благодетельных умиротворений, не боясь открыто, искренне обнажить раны исстрадавшегося сердца. Как исповедовалась Сильва Капутикян в стихотворении “Песня песен”, “Судьба мне все дала, что я хотела, // И лишь любви счастливой не дала...”. Но как умолчать об этом и надо ли замалчивать, если страждешь

*И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетиями долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женичины
Одной живой страницей легли!..*
(Перевод Б.Окуджавы)

Здесь важно оговориться. Воспринимая лирическое стихотворение авторским автографом, а лирику в целом понимая как развернутый исповедальный дневник поэтической души, своего рода многофокусный автопортрет поэта, наивным упрощением было бы в каждой его строке выискивать непереносимые отсветы автобиографизма. От такого распространенного дилетантизма умно предостерегает и сама Сильва Капутикян в стихотворении “Творчество”, приобщая читателей-почитателей к секретам и тайнам мастерства, в конечном счете — к вечным истинам искусства, чьи вдохновенные образы, не исключая интимно исповедальных, возникают на зыбкой грани

земной яви и поэтического сна, ибо и самые доподлинные реалии жизни всегда преображены “...мечтаниями моими, // Биением жарким сердца моего” (перевод М.Петровых).

Не тут ли порог, за которым поэт, наделенный даром перевоплощения, без чего нет ни сострадания, ни сопереживания, сливает ритм своего сердца с ритмами окружающего мира? И, настраиваясь на них духовно, расширяет масштабы интимной исповеди до общезначимых — народных, национальных, общечеловеческих: кому как дано — масштабов поэзии высоко гражданской?

“Право на откровенность” — так, определяя в конце 70-х доминанту душевного строя поэта, назвал русский критик свою вступительную статью к двухтомнику избранного Сильвы Капутикян. Принимая такое определение и два десятилетия спустя, думаю, что с равным успехом ключом к ее творческому миру могла бы стать и “отзывчивость на боль”. Свою и чужую.

Впрочем, “чужую” — явно неточно. В том и суть, что все чужое, чего касаются взгляд или слух поэта, тут становится своим — собственным, глубоко личным переживанием. Даже нескрываемая литературная реминисценция отрывается при этом от своего первоисточника, получает новую, вторую жизнь как реальный факт, действительный случай. Вчитайтесь, скажем, в стихотворение “На полустанке” (“Шуршит толстовский лес, как книжные листы...”): кто она, молчаливая спутница на пустой платформе? В самом ли деле Анна Каренина, “не защищенная в своей любви-неволе” (перевод Е.Николаевской)? Или мелькнувшая в суতোлке городского вокзала незнакомка, чей скорбный силуэт приближен щемящим стихотворением 1962 года “Остановись, человек!”?

*Та женщина, неведомая мне,
И по причине, неизвестной мне,
Так плакала, припав лицом к стене,
Беду свою всем телом понимая.*
(Перевод Б.Ахмадулиной)

Ее “огромный безутешный плач” настигнет потом в пути, “среди мчащегося леса”, и “печальный поезд” начнет сострадать ему всеми “колесами, считающими тьму”. А под стук колес придет и горькое осознание своей вины “в беде чужого плача”, охватит неудержимое желание не только “рвануть стоп-кран”, но остановить вращение земли. Потому что, как продолжит поэт, развивая этот мотив через два с лишним десятка лет,

*Когда чей-то мальчик рыдает,
мне чудится: внук мой рыдает.
Когда кто-нибудь умирает,
он будто меня упрекает.
Когда загубил кто-то душу,
мне чудится: я виновата —
Нарушила договор с Богом —
и кто-то за это страдает.*
(Перевод В.Корнилова)

Отзывчивость на боль неизменно питала и неослабную память войны, одним из ведущих мотивов звучавшую в лирике Сильвы Капутикян и непосредственно в 40-е годы, и в последующие 50-60-е, чтобы новым трагедийным содержанием наполнится на взрывоопасном рубеже 80-90-х. Верная себе, она и в воплощении этой темы идет через постижение ставших частью ее духовной биографии “чужих” судеб, будь то “лейтенант и девушка-связистка”, познавшие первую любовь под несмолкаемый артиллерийский гул (перевод М.Светлова), или невернувшийся солдат из стихотворения “Вдове героя”, или герой французского Сопротивления Мисак Манушян, чье “Слово перед казнью” завершает признание:

*Я мечтал быть поэтом. И грезил в свой срок
Нянчить сына в построенном мною дому.
... А оставил тетрадь незаконченных строк
Да пропахшее порохом имя в дыму*
(Перевод М.Дудина).

Снова вспоминается Ольга Берггольц с ее пронзительными строками, выстраданными “в послевоенной тишине” — в первые дни после Победы. “Неженский ямб в черствяющих стихах” звучит как заклятие:

*... И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.*

Свое “не дам забыть” знает и Сильва Капутикян. Она тоже могла бы сказать о себе, что “вмерзла в ...неповторимый лед” — многотрудный и многострадальный след народной истории, который тянется через не годы и даже не десятилетия, а века. Доверительная исповедь о сокровенном то и дело выливается под ее пером в громогласную проповедь самозабвенной любви к отчему краю, чьи “камни, спавшие веками и время знавшие суровое” (перевод Е.Евтушенко), безмолвно свидетельствуют о ранах, кровоточащих в сердце народа и его поэта.

От постоянства обостренного патриотического чувства, национального самосознания идет и неизменность интонации — открыто пафосной, ораторски проповеднической. Тяготая к лирическому исповеданию, Сильва Капутикян, как правило, предпочитает не напрягать голос. Но только не в тех стихах, которые посвящены Армении, ее древней и новой истории, вплоть до карабахских дней наших 90-х не скупившейся на страдания и беды, сурово требовавшей от многих и многих, в том числе нынешних поколений готовности к подвигу самоотречения и самопожертвования. В таких стихах она не избегает и самих высоких регистров патетики, в которой действительно нужда-

ются монологические обращения к родине и народу. Вот повод сказать, что патетика патетике рознь. И если она проникнута неподдельным гражданским пафосом, то и сбивы на декламацию и риторiku ей не угрожают. Как в трубном призыве к армянскому поэту не забывать о том, что нет у него права сомневаться в бессмертии народа, даже если последний воин падет в неравном, но правом бою.

Заметим: на такой призыв поэта-современника вдохновляет неувядаемый пример не только отечественных классиков. В стихах, составивших одну лишь эту книгу, пересекаются тропы, дороги, пути Саят-Новы, Гарсиа Лорки, памяти которого посвящено стихотворение “Поэты”, Бориса Пастернака, чей опустевший переделкинский дом, гордый и строгий, уподоблен обиталищу великих духов, так и не сумевших, увы, “остановить разгром”. Речь о разгроме не просто стен, среди которых обитал хозяин дома, в пору написания стихотворения еще не ставшего музеем, но о воинствующе бездуховном надругательстве, какое “за иудины гроши” чинили грязные руки, безнаказанно глумясь над тем, что свято. И не в том дело, что “опустелый дом”, разоренный, разграбленный, дождался-таки музейного воскрешения, предсказанного в стихотворении, а в неискоренимой людской готовности вновь и вновь опускаться “...до предательства // Самих себя и собственной души” (перевод В.Корнилова).

Написано в середине 80-х, принесших в поэзию Сильвы Капутикян трагедийные образы, мотивы, темы, жестко и жестоко заданные необузданной стихией вулканического времени и укрупнившие, повторяя название давней поэмы, *смятение* поэта до масштабов мировой драмы. В ее плотный контекст органично вписаны и “не мой” Ереван, на долгие зимы оставленный “без тепла и без света” (перевод Е.Николаевской), и семилетнее кровопролитие национально-освободительной войны Нагорного Карабаха, чье стоическое мужество, обеспечившее победу народа, было провидчески опозитизировано почти сорок лет назад в образе карабахского тополя.

Так в стихах разных лет и десятилетий непунктирно прочерчивается нерасторжимая связь времен. Ей сродни у Сильвы Капутикян столь же нерасторжимая связь пространств: художественная мысль, вырываясь на просторы современного мира, ведет по многим и разным путям-перепутьям. В том числе — от заоблачной вершины библейского Арарата и водной глади Севана в московский весенний говор, чтобы “В его прощании с зимой // И колдовством, и откровеньем” (перевод Ю.Мориц) внятно прозвучал акцент армянской речи. И, право, напрасно опасение поэта: вдруг, различив “один и тот же всюду” язык любви, иноязычные читатели не поймут “скорбь и радость армян”, растворенную в их крови “боль веков” (перевод Е.Николаевской)?

Разглядели, услышали, распознали. И не потому лишь, что переводы стихов Сильвы Капутикян принадлежат мастерам русского поэтического слова. Прежде всего потому, что изначальное слово армянского оригинала, чутко воспринятое поэтами-переводчиками, и на русском языке сохранило свою трехмерность. Ведь его общечеловеческое звучание изнутри просвечено и личностным своеобразием, и национальной самобытностью таланта...

Валентин ОСКОЦКИЙ

НЕ СМЕЕМ
ТЫ МЕНЯ ЗАБЫТЬ

Генерал-майор Бурдих

Անցանում էր փսփփյալ զգուշ, չար, լուռ և բոլոր,
Զանգում էր և արձակում ինքն ինքն.
Մի քիչ, քիչ և քիչ արձակում, արձակում ինքն ինքն,
Երբ և՛ չէր լսվում, և՛, լսվում էր զուրկ:

Դրան չէր հստակեցրել հարցերը և ևս ուրիշ
փոքրիկ այս լռելի էր, լռելի եղջերայից,
Յոգու հայտնաբերումը արդեն լայն էր,
Երբեք համարել էր անհնար պարզ չափ:

Зараз ¹ хангаарыг хуучин ² 274 ³ ~~дунд~~ ⁴ ~~дунд~~ ⁵ ~~дунд~~ ⁶ ~~дунд~~ ⁷ ~~дунд~~ ⁸ ~~дунд~~ ⁹ ~~дунд~~ ¹⁰ ~~дунд~~ ¹¹ ~~дунд~~ ¹² ~~дунд~~ ¹³ ~~дунд~~ ¹⁴ ~~дунд~~ ¹⁵ ~~дунд~~ ¹⁶ ~~дунд~~ ¹⁷ ~~дунд~~ ¹⁸ ~~дунд~~ ¹⁹ ~~дунд~~ ²⁰ ~~дунд~~ ²¹ ~~дунд~~ ²² ~~дунд~~ ²³ ~~дунд~~ ²⁴ ~~дунд~~ ²⁵ ~~дунд~~ ²⁶ ~~дунд~~ ²⁷ ~~дунд~~ ²⁸ ~~дунд~~ ²⁹ ~~дунд~~ ³⁰ ~~дунд~~ ³¹ ~~дунд~~ ³² ~~дунд~~ ³³ ~~дунд~~ ³⁴ ~~дунд~~ ³⁵ ~~дунд~~ ³⁶ ~~дунд~~ ³⁷ ~~дунд~~ ³⁸ ~~дунд~~ ³⁹ ~~дунд~~ ⁴⁰ ~~дунд~~ ⁴¹ ~~дунд~~ ⁴² ~~дунд~~ ⁴³ ~~дунд~~ ⁴⁴ ~~дунд~~ ⁴⁵ ~~дунд~~ ⁴⁶ ~~дунд~~ ⁴⁷ ~~дунд~~ ⁴⁸ ~~дунд~~ ⁴⁹ ~~дунд~~ ⁵⁰ ~~дунд~~ ⁵¹ ~~дунд~~ ⁵² ~~дунд~~ ⁵³ ~~дунд~~ ⁵⁴ ~~дунд~~ ⁵⁵ ~~дунд~~ ⁵⁶ ~~дунд~~ ⁵⁷ ~~дунд~~ ⁵⁸ ~~дунд~~ ⁵⁹ ~~дунд~~ ⁶⁰ ~~дунд~~ ⁶¹ ~~дунд~~ ⁶² ~~дунд~~ ⁶³ ~~дунд~~ ⁶⁴ ~~дунд~~ ⁶⁵ ~~дунд~~ ⁶⁶ ~~дунд~~ ⁶⁷ ~~дунд~~ ⁶⁸ ~~дунд~~ ⁶⁹ ~~дунд~~ ⁷⁰ ~~дунд~~ ⁷¹ ~~дунд~~ ⁷² ~~дунд~~ ⁷³ ~~дунд~~ ⁷⁴ ~~дунд~~ ⁷⁵ ~~дунд~~ ⁷⁶ ~~дунд~~ ⁷⁷ ~~дунд~~ ⁷⁸ ~~дунд~~ ⁷⁹ ~~дунд~~ ⁸⁰ ~~дунд~~ ⁸¹ ~~дунд~~ ⁸² ~~дунд~~ ⁸³ ~~дунд~~ ⁸⁴ ~~дунд~~ ⁸⁵ ~~дунд~~ ⁸⁶ ~~дунд~~ ⁸⁷ ~~дунд~~ ⁸⁸ ~~дунд~~ ⁸⁹ ~~дунд~~ ⁹⁰ ~~дунд~~ ⁹¹ ~~дунд~~ ⁹² ~~дунд~~ ⁹³ ~~дунд~~ ⁹⁴ ~~дунд~~ ⁹⁵ ~~дунд~~ ⁹⁶ ~~дунд~~ ⁹⁷ ~~дунд~~ ⁹⁸ ~~дунд~~ ⁹⁹ ~~дунд~~ ¹⁰⁰ ~~дунд~~ ¹⁰¹ ~~дунд~~ ¹⁰² ~~дунд~~ ¹⁰³ ~~дунд~~ ¹⁰⁴ ~~дунд~~ ¹⁰⁵ ~~дунд~~ ¹⁰⁶ ~~дунд~~ ¹⁰⁷ ~~дунд~~ ¹⁰⁸ ~~дунд~~ ¹⁰⁹ ~~дунд~~ ¹¹⁰ ~~дунд~~ ¹¹¹ ~~дунд~~ ¹¹² ~~дунд~~ ¹¹³ ~~дунд~~ ¹¹⁴ ~~дунд~~ ¹¹⁵ ~~дунд~~ ¹¹⁶ ~~дунд~~ ¹¹⁷ ~~дунд~~ ¹¹⁸ ~~дунд~~ ¹¹⁹ ~~дунд~~ ¹²⁰ ~~дунд~~ ¹²¹ ~~дунд~~ ¹²² ~~дунд~~ ¹²³ ~~дунд~~ ¹²⁴ ~~дунд~~ ¹²⁵ ~~дунд~~ ¹²⁶ ~~дунд~~ ¹²⁷ ~~дунд~~ ¹²⁸ ~~дунд~~ ¹²⁹ ~~дунд~~ ¹³⁰ ~~дунд~~ ¹³¹ ~~дунд~~ ¹³² ~~дунд~~ ¹³³ ~~дунд~~ ¹³⁴ ~~дунд~~ ¹³⁵ ~~дунд~~ ¹³⁶ ~~дунд~~ ¹³⁷ ~~дунд~~ ¹³⁸ ~~дунд~~ ¹³⁹ ~~дунд~~ ¹⁴⁰ ~~дунд~~ ¹⁴¹ ~~дунд~~ ¹⁴² ~~дунд~~ ¹⁴³ ~~дунд~~ ¹⁴⁴ ~~дунд~~ ¹⁴⁵ ~~дунд~~ ¹⁴⁶ ~~дунд~~ ¹⁴⁷ ~~дунд~~ ¹⁴⁸ ~~дунд~~ ¹⁴⁹ ~~дунд~~ ¹⁵⁰ ~~дунд~~ ¹⁵¹ ~~дунд~~ ¹⁵² ~~дунд~~ ¹⁵³ ~~дунд~~ ¹⁵⁴ ~~дунд~~ ¹⁵⁵ ~~дунд~~ ¹⁵⁶ ~~дунд~~ ¹⁵⁷ ~~дунд~~ ¹⁵⁸ ~~дунд~~ ¹⁵⁹ ~~дунд~~ ¹⁶⁰ ~~дунд~~ ¹⁶¹ ~~дунд~~ ¹⁶² ~~дунд~~ ¹⁶³ ~~дунд~~ ¹⁶⁴ ~~дунд~~ ¹⁶⁵ ~~дунд~~ ¹⁶⁶ ~~дунд~~ ¹⁶⁷ ~~дунд~~ ¹⁶⁸ ~~дунд~~ ¹⁶⁹ ~~дунд~~ ¹⁷⁰ ~~дунд~~ ¹⁷¹ ~~дунд~~ ¹⁷² ~~дунд~~ ¹⁷³ ~~дунд~~ ¹⁷⁴ ~~дунд~~ ¹⁷⁵ ~~дунд~~ ¹⁷⁶ ~~дунд~~ ¹⁷⁷ ~~дунд~~ ¹⁷⁸ ~~дунд~~ ¹⁷⁹ ~~дунд~~ ¹⁸⁰ ~~дунд~~ ¹⁸¹ ~~дунд~~ ¹⁸² ~~дунд~~ ¹⁸³ ~~дунд~~ ¹⁸⁴ ~~дунд~~ ¹⁸⁵ ~~дунд~~ ¹⁸⁶ ~~дунд~~ ¹⁸⁷ ~~дунд~~ ¹⁸⁸ ~~дунд~~ ¹⁸⁹ ~~дунд~~ ¹⁹⁰ ~~дунд~~ ¹⁹¹ ~~дунд~~ ¹⁹² ~~дунд~~ ¹⁹³ ~~дунд~~ ¹⁹⁴ ~~дунд~~ ¹⁹⁵ ~~дунд~~ ¹⁹⁶ ~~дунд~~ ¹⁹⁷ ~~дунд~~ ¹⁹⁸ ~~дунд~~ ¹⁹⁹ ~~дунд~~ ²⁰⁰ ~~дунд~~ ²⁰¹ ~~дунд~~ ²⁰² ~~дунд~~ ²⁰³ ~~дунд~~ ²⁰⁴ ~~дунд~~ ²⁰⁵ ~~дунд~~ ²⁰⁶ ~~дунд~~ ²⁰⁷ ~~дунд~~ ²⁰⁸ ~~дунд~~ ²⁰⁹ ~~дунд~~ ²¹⁰ ~~дунд~~ ²¹¹ ~~дунд~~ ²¹² ~~дунд~~ ²¹³ ~~дунд~~ ²¹⁴ ~~дунд~~ ²¹⁵ ~~дунд~~ ²¹⁶ ~~дунд~~ ²¹⁷ ~~дунд~~ ²¹⁸ ~~дунд~~ ²¹⁹ ~~дунд~~ ²²⁰ ~~дунд~~ ²²¹ ~~дунд~~ ²²² ~~дунд~~ ²²³ ~~дунд~~ ²²⁴ ~~дунд~~ ²²⁵ ~~дунд~~ ²²⁶ ~~дунд~~ ²²⁷ ~~дунд~~ ²²⁸ ~~дунд~~ ²²⁹ ~~дунд~~ ²³⁰ ~~дунд~~ ²³¹ ~~дунд~~ ²³² ~~дунд~~ ²³³ ~~дунд~~ ²³⁴

[illegible]

good, many people but I feel I should be able to
 get your company to get a good 3rd hand. I
 would be sure to get a 3rd hand, I
 would be sure to get a 3rd hand, I
 would be sure to get a 3rd hand, I

[illegible]

4-10/15 92p.

Intervju:

Ушел...
Но знаю всей душою —
Нам друг от друга не уйти.
Я знаю, я всегда с тобою, —
Я перекрою все пути!
Я — дом твой, я — твоя дорога,
Ты ходишь с образом моим,
В тебе меня настолько много,
Что нету места там другим,
И сколько б женских глаз ни встретил —
Мои глаза увидишь в них.
Я для тебя одна на свете,
И тут не может быть других.
И чьи б ни слышал голоса ты —
Услышишь в них меня одну,
Коснусь тебя ветвями сада,
Глазами лампочек взгляну,
Когда домой вернешься поздно,
Ты снова вспомнишь обо мне.
Я стану дымом папиросным,
Я стану звездами в окне,
Через любые километры
До сердца сердцем дотянусь,
В окно влечу я нежным ветром,
Закроешь — бурей ворвусь.
Есть у любви своя отвага!
Влетев в твой дом, в твой мир, в твой быт,
Смешаю все твои бумаги,
Всю жизнь смешаю, может быть...

Не смеешь ты меня забыть!

1948

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Если не люблю я, не люблю тебя,
Почему же тает, как весною, лед,
Почему же солнце, как весною жжет,
Как весной, сияет синий небосвод, —
Если не люблю я, не люблю тебя?

Если ты не любишь, любишь не меня,
Почему же тихий переулочек твой
Так со мной приветлив и добры со мной
Люди, снег, окошки, тополь молодой, —
Если ты не любишь, любишь не меня?

Если ты не любишь, если не люблю,
Почему на небе звездам нет числа,
Дни зачем прекрасны и прозрачна мгла,
В мире много счастья и так мало зла, —
Если ты не любишь, если не люблю?..

1945

* * *

Любовь большую мы несем,
Но я — к тебе, а ты — к другой,
Опалены большим огнем,
Но я — твоим, а ты — другой.

Ты слова ждешь, я слова жду,
Я — от тебя, ты — от другой.
Твой образ вижу я в бреду,
Ты бредишь образом другой.

И что уж тут поделать, раз
Самой судьбе не жалко нас.
Что нас жалеть? Живем любя,
Хоть ты — другую, я — тебя...

1945

★ ★ ★

Ты в сердце моем, в дыханье моем,
В печали моей, в ликование моем.
Горишь в моей песне, как пламя, ты,
Гляжу на других — пред глазами ты.
В чей дом ни войду я — там ты гостишь.
Ты — воздух, и свет, и ветер, и тишь.

Куда же, куда бежать от тебя!..

1945

* * *

Когда ты меня провожаешь домой,
Дорога пыльная наша
Мне кажется устланной тканью цветной,
Весеннего луга краше.

Длинные расстоянья на шаре земном,
Дорог бесконечных много...
Зачем же, зачем же так близок мой дом
И так коротка дорога?..

1946

ДНИ ВЛЮБЛЕННОСТИ

Хоть сердце мое стучало,
Я о любви молчала.

Не потому ли, что ночью душной
Среди комнатной тишины
Зоркий луч золотой луны
Слезу разглядел на моей подушке;
Потому ли, что книга, листами шурша,
Моим невниманьем к ней огорченная,
Лежать в бездействии обреченная,
Рассказала, что прячет моя душа;
Или мое зеркало, всегда одинокое,
Внезапно меня разглядело около,
Разболтало всем, не умея таиться,
О том, что в сердце моем творится;
Или твоя улица разнесла на версту
Робких моих каблуков перестук;
Или взгляд мой, любовь до поры храня,
Вдруг выдал меня,
Предал меня;
Или из души, как из глубин морей,
Имя твое вырвалось ненароком, —

Все теперь знают до срока
О тебе,
О любви моей.

1945

ИМЯ ТВОЕ

Имя твое я вписала б в небо ночное,
Если бы звезды мне не сияли
Буквами имени твоего.

Морю, горам повторяла б имя родное,
Если б горы и морские дали
Не повторяли сами его.

Мир бы наполнил песни, спетые мною.
Если бы в мире не написали
Их до рождения моего...

1951

* * *

Нет! Я видеть тебя не хочу!
Если очи станут искать —
Веки темные опущу.

А язык мой тебя назовет —
Я зубами его прикушу:
“Замолчи, не шепчи, сумасброд!”

Ну а если из сердца — крик?
Если сердце начнет тебя звать,
Как мне сердца унять язык,
Как язык мне сердца унять?

1945

ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ

Не пришел ты... И ночь почернела в тоске.
Вот и сердце мое как пустой переулок.
Лишь клюет тишину чей-то шаг вдалеке,
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.

Я надеюсь еще. Я вливаюсь во тьму,
Я ловлю, как шаги нашу улицу мерят.
Вот все громче, все ближе к крыльцу моему,
Вот сейчас подойдут и затихнут у двери...

Но шаги, удаляясь от двери моей,
Раздаются в тиши все спокойней и строже...
И болит мое сердце сильней и сильней,
Будто топчет сейчас его каждый прохожий.

1945

ТРЕВОГА

То кляня, то маня, то гоня,
Вслед мне смотрят глаза, обжигая.
Сын мой милый, взгляни на меня
Так, чтоб глаз отвести не могла я.

Рук не знала я злее тех рук,
Но не знала добрей и нежнее.
Чтоб меня не похитили вдруг,
Обними меня, сын мой, сильнее.

Так порой над обрывом бежит
Тропка верности ниточкой тонкой...
Ты спаси меня, сын, удержи
Всемогущею властью ребенка!..

1945

* * *

Идешь ты мимо дома моего,
Такой спокойный и чужой такой...
А я ищу тебя лишь одного
В чужом дому — с надеждой и тоской.

Кому попало на своем пути
Меня готов ты выдать каждый миг...
Трепещет имя на устах моих,
Но вслух боюсь его произнести.

Твоя душа — гостиница, мой друг,
Легко войдет и съедет человек...
Как в крепости, в душе моей навек
Закрылся ты, в нее ворвавшись вдруг.

Порой тебе завидую до слез,
Собою недовольства не тая,
Что в гуле жизни встретить довелось
Тебе любовь такую, как моя...

1945

* * *

Ты устал, ты изнемог,
Милый мой, — свободен будь!
Поманила ширь дорог —
Отправляйся в дальний путь.

Степи твой ласкают взор —
Не тоскуй же взаперти.
Позовут вершины гор —
У подножья не грусти.

Если твой угаснет пыл,
Уходи — к чему мне ложь?
Если вправду ты любил,
Не забудешь и придешь.

Ложью сердце не порочь,
Не клянись... Ведь неспроста
Клетка птицу гонит прочь,
Если дверца заперта.

1945

* * *

В хрустальной вазе на столе твоём
Стоят цветы, подаренные мною.
Ты не меняешь воду. День за днем
Они все ниже никнут головою.

И падают, как слезы, лепестки,
Касаясь чуть твоей сухой руки...

1946

НА ПЕРРОНЕ

Дрогнули вагоны, и в окне
Грустная улыбка промелькнула.
Поезд уходил. И, как во сне,
Вслед ему я руку протянула.

Замерло дыхание на лету,
Голос потонул в колесном стуке,
Только устремились в пустоту
Рельсы, как протянутые руки.

1945

ЗОВ

Снега от тоски в разлуке с тобой
Чернеют, застыв, и тают — приди!
Созвездья небес, на путь твой ночной
Глаза обратив, сгорают — приди!
Бушуют леса и, тысячи рук
В тоске заломив, вздыхают — приди!
Дробясь об утес, потоки вокруг
В весенний разлив вскипают — приди!
Все в мире слилось в единый призыв,
Мир, многоголос, вызывает — приди!

1945

* * *

Живи как хочешь — я мешать не буду!
Швырну в огонь движением руки
Плоды ожесточенья — песен груды,
Хоть, словно дети, мне они близки.

Живи как хочешь, я мешать не буду!

Что песни? Их простор для сердца тесен,
Душа щедрей, душа богаче песен!

И если ты мне встретишься с другой,
Не поглядев, сверну с твоей дороги,
Чтоб тени угрызенья иль тревоги
Не вызвал ненароком облик мой.

Живи как хочешь — я мешать не буду!

1946

ЗАБВЕНИЕ

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

...Как широк этот мир, сколько радости в нем!
Сколько ран он наносит и лечит потом!..
Я в кипучую жизнь, словно птица, влечу
И глубокую рану свою залечу, —
Я забуду, навеки забуду тебя...

И, плененная маем, одна за двоих,
Я брожу, опьяненная счастьем других,
Улыбаясь проходим, деревьям, домам, —
О минувшем я сердцу и вспомнить не дам...
(О, как славно бродили мы вместе с тобой!..)

В полночь дружеский стол зазывает меня,
Беззаботным весельем и смехом маня,
Песня птицей парит над моей головой —
Растворяюсь я в радости этой живой...
(О, как пел ты когда-то всю ночь до утра!..)

Ночь синеет, и звезды мерцают над ней.
Я пьянею от праздничных жарких огней,
И на миг чей-то взгляд в мою душу проник —
Я счастливой себе показалась на миг...
(О, как нежно и строго умел ты смотреть!..)

Кто-то долго меня провожает домой,
Мы смеемся и шутим, окутаны тьмой.
По ночным мостовым пробродив допоздна,
Мы желаем друг другу приятного сна...
("Ну, прощай!" — я твой голос в душе
берегу...)

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

1945

В МИНУТУ ТОСКИ

Приди, приди, приди,
Хотя бы без желанья,
Хотя бы для прощанья,
Приди, приди, приди!

Хоть с холодом в груди,
Рассеянный, далекий,
Насмешливый, жестокий,
Приди, приди, приди!

Пусть горе впереди.
Что плакать об утрате!
Хоть из чужих объятий —
Приди, приди, приди!

1945

* * *

Когда б любовь моя была
Слаба, как свечка, и мала,
Ты никуда б уйти не смог —
Все б огонек ее берег
И в продолженье многих лет
Дрожал: вот-вот погаснет свет!

Но ведь она же не свеча,
Она, как солнце, горяча,
И потому, наверно, ты
Не знаешь страха темноты,
Уходишь ты на срок любой —
Любовь как солнце над тобой!

1946

* * *

Судеб я наших в мыслях не связала,
Надеждами не обольщалась, нет —
Люблю так безрассудно я, так шало,
Как любят море, солнце, лунный свет.

И зря меня в доме твоём, ревнуя,
Клянут, как неотвязную беду:
Не бойтесь! В окна к вам не загляну я,
Ни разу даже мимо не пройду!..

1946

* * *

Смеюсь несдержанно и бойко,
Чтоб ты не видел, как мне горько.
Смеюсь, и больше ничего,
Смеюсь, чтоб ты за смехом этим
Не распознал и не заметил
Тревоги сердца моего.

Я легкомысленной девчонкой
Шучу, шепчу себе о чем-то
И что-то вздорное пою.
Чтоб слез моих не мог ты видеть,
Чтоб невзначай тебе не выдать
Любовь мою!..

1948

* * *

В дыму горячем горького прощанья
Твоей вины огонь гасила я.
Как часто ревность мучила меня,
Ее душила я без содроганья
В дыму горячем горького прощанья.

И этот дым клубился столько раз,
Что в нем огонь любви моей погас...

1946

* * *

Вы чувствуете ль тоску взрыхленной нивы,
Вздыхающей под тяжестью зерна,
Когда весной, тревожна, молчалива,
С надеждой первых ливней ждет она?
Сухих борозд бесчисленные очи
Устремлены недвижно в небосвод,
А он то солнцем их нещадно жжет,
То облака, дразня, нагонит к ночи;
Земли глухую жажду бередя,
Сулит: “Вот-вот желанный дождь обрушу!”
И алчет, трепеща, как сердце, суша,
За сменой этих прихотей следя...

Ни зернышку не дам запасть я в душу,
Не стану ждать я твоего дождя!

1956

* * *

Как быстро юность отошла,
Но тот, кто любит, — молод вечно.
Я так высоко вознесла
Тебя любовью бесконечной.

Но — не успев тебя найти —
Уже навеки потеряла.
Жизнь наши развела пути.
И у другого ты причала.

Ты только имя для меня...
Гляжу беззлобно издалика,
Любви прошедшей не кляня:
Как прежде, ты стоишь высоко.

Как прежде — чист. Легко дыша,
Горжусь твоею высотой.
Нет, не обманута душа
Мной сотворенною мечтою.

1947

* * *

Если б, в тебе разуверившись, я
Душу наполнила злобой и желчью,
Если б чужими мне стали друзья,
Если б я в правду поверила волчью,
Стала бы жить, все живое кляня, —
Только тогда б победил ты меня.

1946

ВЕСНА

Ты был холодным, белым, как зима,
Любовь моя и та не растопила
Твой вечный лед. Но близ тебя сама
Замерзла я, хоть пламенно любила.

Суровой та зима ко мне была,
И в теплом доме сердце леденело,
И грусть, как хлопья снежные, бела,
На жизнь мою ложилась то и дело...

Но время шло. Под солнцем таял снег,
Весна несла восходов полыханье,
А ты все мерз, холодный человек,
От своего холодного дыханья,

Весна, весна! Она лишь к тем идет,
Чье сердце — словно в половодье реки.
Восторг и грусть, кипенье вешних вод...
Весна! Весна! Ты мне дана навеки.

1948

* * *

Была добра любовь моя,
Великодушна, терпелива.
Тебя благословляла я
И в жесточайший миг разрыва.
Моя тоска была светла,
В мученьях ревности беззлобна,
И все, что зависти подобно,
Испепелила я дотла,
Чтобы душе не жить без света.

А нынче мелким ручейком
Сама себе кажусь, когда я,
Холодный взгляд поймав тайком,
Лишь холодею, не страдая,
Сама свидание прерву,
Когда предчувствую разлуку,
И первой протяну я руку,
Но не прощаю, не зову
И думаю — любовь ли это?..

1957

ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

1. РУЧЬИ

Вы куда, куда, ручьи?!
Как блестит вода, ручьи!
С шумным плеском, с чистым блеском
Мчитесь вы всегда, ручьи...

В ваши светлые струи
Слезы я лила свои.
Смех свой слив с моей печалью,
Вдаль бежите вы, ручьи.

Вы несите в море, вдаль
Сердца горе и печаль,
Вы скажите встречным людям,
Что утешусь я едва ль.

Только если мать мою
В дальнем встретите краю,
Вы скажите — я не плачу,
Вы скажите — я пою...

1940

2

Зеленые дороги, неровные, неверные,
Всех вяжут ваши пути, любовные, неверные,
Лишь я на бездорожье грущу одна, без милого,
Видать, судьбой пути мне дарованы неверные.

Мой милый за горами, за их грядой печалится,
Ах, добрые дороги, во мгле седой печалится...
Ко мне его ведите, цветы кидая под ноги.
Не рано ли, дороги, мне, молодой, печалиться?

1940

3

Мы как солнце и луна —
Рядом наши имена.
Но, как солнце и луна,
Ты один, и я одна.
Не сойдутся день и ночь:
Лишь приду — уходишь прочь...
Мы как солнце и луна:
Встреча нам не суждена!

1939

4. ГДЕ ЖЕ ПУТЬ ?

Теряюсь я, теряюсь я:
В безбрежности причуд твоих,
В ночном лесу кудрей твоих,
В снегах чела и щек твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Теряюсь я, теряюсь я:
И в молниях очей твоих,
И в сумраке бровей твоих,
И в терниях ресниц твоих —
Теряюсь я, теряюсь я!

Из снега выйду — на пути
И лес и море: не пройти.
Как сердце мне твое найти?
Теряюсь я, теряюсь я!..

1945

5. НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Прохлада ночная...
Усни, усни!
Стою у окна я.
Усни, усни...

Уйду, коль захочешь.
Усни, усни!
В безмолвии ночи
Усни, усни...

Ах, сердце тревожно
Так не стучи!
И ты, если можно,
Усни, усни...

1940

6. АХ, СЕРДЦЕ ТВОЕ

Подснежник глянул на белый свет —
Улыбки твоей цветение!
Фиалок первых веселый цвет —
Глаз твоих синь весенняя!

Ива, склоненная над волной, —
Стан твой как ива нежная!
Иву ласкает ветер ночной —
Дыханье твое безмятежное!

Солнце выглянуло из-за гор —
Губы твои пунцовые!
Туча закрыла небес простор —
Ах, сердце твое свинцовое!

1940

7

На краю скалы крутой
Мак трепещет. Это ты.
Лишь любуясь красотой —
Высоко растут цветы.

Вниз, в ущелье, я гляжу:
Родничок там. Это ты.
Не напившись, ухожу
С одинокой высоты.

Прячет моря глубина
Редкий жемчуг. Это ты.
Не достать его со дна,
Из холодной немоты.

Вечно близок и далек
Арабат наш. Это ты.
Твой снежок меня обжиг
Недоступностью мечты...

1945

8

Ах, как ты светлоока, луна,
Свет любовного рока — луна.
Светишь ласково парам влюбленным,
А сама одинока, луна...

1958

ШУТОЧНЫЕ

1

Ах, как обидно, больно и неловко,
Такое огорченье у малышки.
Тебя побили сверстники-мальчишки...
Ты плачешь, девочка-светлогловка.

Ну что ж, поплачь, На свете так ведется:
Промчатся дни — ты девушкою станешь,
На юношей влюбленных и не взглянешь.
Тебе — смеяться, плакать — им придется.

1940

2. НЕЗВАННАЯ СПУТНИЦА

На берегу реки вдвоем
С тобой гуляли — я и ты, —
Светлы, как юность, и чисты,
Как небеса весенним днем.

Но сплетня тотчас нас нашла!
И, обогнав, на всем бегу,
Оставив нас на берегу,
Она, во весь поднявшись рост,

Перескочила через мост
И вдаль пошла, пошла, пошла...

Давно вернулись мы с реки
И помним этот день едва.

Но все вперед спешит молва,
Спешит — рассудку вопреки...

1945

3

Что за вечер! Ласков, тих,
Словно создан для двоих.
Как не пожалеть о том,
Что гуляем мы... втроем?!

1946

САЯТ-НОВА

Как много раз твой страстный саз
в ночах звенел, Саят-Нова!
Могучий дар, созвучный жар
в тебе горел, Саят-Нова!
Ты в глубь сердец проник, певец,
тревожным трепетом любви,
Доныне твой родник живой
не оскудел, Саят-Нова!

Как зов души в ночной тиши,
в глуши садов зеленых — ты.
Ответный свет зажег, поэт,
во всех сердцах влюбленных ты.
Отрадный луч, прохладный ключ
для всех неуголенных — ты.
От жгучих мук, как лучший друг,
спасать умел, Саят-Нова!

Влечет поэтов голос твой,
мечта высокая твоя.
Поэты грезят о такой,
как черноокая твоя.
Терзает девушек тоской
любовь глубокая твоя.
Кто беззаветней призывал
и пламенел, Саят-Нова!

В прекрасных песнях мир воспет,
но дар твой — несравненный дар,
Словами страсти полон свет,
но жар твой — несравненный жар,

Твоей любимой краше нет,
в ней тайна несравненных чар,
Утратить власть, в веках пропасть —
не твой удел, Саят-Нова!..

1945

* * *

Как с гор, струясь,
Вперед стремясь,
Бежит-спешит вода ручья —
По трудным дням,
Как по камням,
Бегу неудержимо я,

Порой грустна,
Порой шумна,
Среди скалистых берегов
Бегу, лечу,
Куда хочу,
Бросаясь камешками слов.

Крут поворот
Мятежных вод,
Смеюсь беспечно я порой,
И манит всех
Мой дерзкий смех,
Смущая строгий берег мой.

Всем невдомек,
Что ручеек
Чист, как снежок высоких скал,
Что в глубине,
На самом дне
Ты тины бы не отыскал.

Я к морю мчусь,
В него вольюсь,
Чиста, нетронута струя:
Так быстр мой путь,
Что не глотнуть
Воды из бурного ручья...

1948

* * *

В московском говоре весеннем,
В его прощании с зимой
И колдовством, и откровеньем
Звучит акцент армянский мой.

К рассвету побледнеют лампы,
Настанет полдень, как вчера.
Разлуку не смущают штампы:
Дороги, полдни, вечера.

Пускай сиянье водопада
Исходит от летящих дней!
Пусть будет нежная награда —
Старанье памяти твоей

Расслышать в говоре весеннем,
В прощании Москвы с зимой,
Как давним, дальним откровеньем
Звучал акцент армянский мой...

1946–1949

* * *

Сверкает, рассыпаясь, новогодний
Московский снег на тонкой корке льда...
Нас электричка ранняя сегодня
Заботливо доставила сюда.

В убранстве зимнем — голубые ивы,
Далекий лес и побережья рек.
И солнце светит нежно и пугливо,
Как бы боясь, чтоб не растаял снег.

Я видела лишь дома, в Ереване,
Такое небо, чище хрусталя.
Березы мне кивают головами,
Как норкские родные тополя.

Подобно горной речке, зажурчала
Вода под снегом. Шум ее ловлю.
И по-армянски я тебе сказала,
Шепнула вдруг чуть слышное: “Люблю”...

Ты только улыбнулся мне глазами,
Но понял все. Навеки. Навсегда...
Сверкает, рассыпаясь под ногами,
Московский снег на тонкой корке льда.

1949

В ЛЕСУ

Ты здесь отлично знаешь все —
Тропинку каждую в лесу,
Деревьев сонных бытие,
Полян таинственных красу.
Меня пугает темнота,
Я шагу не ступила б тут...
Ну, словом, пред тобою та,
Что “слабой женщиной” зовут.

Что ж, хорошо вот так шагать,
Послушно, робко, за тобой,
И доверять тебе, и знать —
Из чащи выведешь любой.
Перед ручьем остановясь,
Услышать: “Дай перенесу!”
Стать хрупкой, слабой хоть на час,
Хотя бы только здесь, в лесу!

1952

* * *

Не так уж много помню я про это.
Я помню только зиму, снег глубокий
Да мех на шапке — пепельного цвета,
Такой же воротник. Твой рост высокий.
И среди пепла пламени сверканье —
Глаза синее полдня голубого.,
При встрече и в минуту расставанья
Улыбку, недосказанное слово...

Сейчас весна. Ущельями, горами,
Степями мы разделены с тобою,
Но в этот вечер вновь перед глазами
Тот зимний день, то пламя голубое.
Каким же чудом это расстояние,
Просторы края горного, степного
Заполнило одно воспоминанье —
Улыбка, недосказанное слово?..

1955

* * *

Снег падает. Пушистый, невесомый.
О чем, о ком я вспомнила — не знаю.
Чей шепот мне почудился знакомый,
Чей взгляд мелькнул сквозь хлопьев снежных стаю?

Ни говорить, ни думать нет охоты,
Да и не нужно. Снег кружит, летает.
И мысли, словно хлопья в миг полета, —
Едва захочешь их поймать — растают...

1955

ЖЕНЕ

Встречаться нам не доводилось.
Кто ты? Тебя не знаю я.
Так отчего ж, скажи на милость,
Не оставляешь ты меня?

Слыхала я, что красотою
Особою не блещешь ты,
Что у тебя лицо простое
И лишь глаза ясны, чисты...

Какие же дары незримо
Душа твоя таит в себе,
Что он избрал тебя любимой,
Единственной в своей судьбе?

Я полюбить его успела.
Как любят солнце — издали,
И сердце расцвело несмело,
Как в теплый день цветы земли.

Недолговечно это чудо,
Без солнца не цветут цветы,
И с горечью я позабуду
Его слова, его черты...

Но будь достойна этой боли,
Люби его еще сильнее,
Люби великою любовью —
Своей любовью и моей!

1955

ВЕЧЕР

Потянуло вечерней прохладой,
Тонкий месяц на тучку прилег,
В общежитье девичья бригада
Возвратилась в положенный срок.

Восемь каменщиц, восемь ровесниц,
Всем восьми — девятнадцатый год...
Вспоминается девушкам месяц,
Что над дальним колхозом плывет.

Пропыленные сняты спецовки,
Разноцветные блузки легки...
Смуглолицая нежно и ловко
Поливает на окнах выюнки.

Черноглазая матери пишет,
Белокурая косу плетет...
Только что это девушки слышат?
Кто под окнами с песней идет?

Светлый месяц все выше восходит,
Озаряет на стройке леса,
Где-то парни веселые бродят,
Смутно слышатся их голоса.

Песня льется все мягче, все тише,
Все влюбленной вздыхает гармонь...
Чтобы лучше тоску ее слышать,
Потушили девчата огонь.

Обе рамы распахнуты настежь,
И подруги, обнявшись в тиши,
То молчат от неясного счастья,
То смеяться начнут от души.

Кто поет за окном — неизвестно.
Для кого — непонятно еще.
Только в сердце от радости тесно,
Только щеки горят горячо.

Подымается месяц высоко,
Листья зябкие тронула дрожь...
“Что ты бродишь, гармонь, одиноко,
Что ты девушкам спать не даешь?..”

1951

ПОД КИЕВСКИМИ КАШТАНАМИ

1. ЛЮБОВЬ

Я о тебе еще в шестнадцать лет
Мечтала, как умела, по-армянски,
И все слова, нежней которых нет,
Шептала я несмело по-армянски.

С твоих больших неведомых дорог
Звала тебя, бывало, по-армянски,
О том, как ты прекрасен и высок,
В стихах я рассказала по-армянски.

Как знать могла я, что любовь свою
(В Армении поем мы по-армянски!)
Когда-нибудь потом я воспою
На языке другом, не по-армянски!

2

Иду... Из-под ног уплывает земля...
Качайтесь, качайтесь, каштаны!
Я жду — не появится ль радость моя?
Встречайте, встречайте, каштаны!

Как быстро темнеет! Не видно ни зги,
Уймите тревогу, каштаны!
Вы слышите, вы узнаете шаги?
Откройте дорогу, каштаны!

Шаги замолкают... И вновь никого...
Печальтесь, печальтесь, каштаны!
Машите ветвями, зовите его.
Качайтесь, качайтесь, каштаны!

3. ПРОЩАНИЕ

Мой дом вдали, за желтыми горами...
Звонок... Другой... Настал прощанья час,
И равнодушно, не считаясь с нами,
Спокойный поезд разлучает нас.
Остался за лесами белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользя.
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Тряхнул наш поезд серой гривой дыма,
Зажглась на небе дальняя звезда.
Плывут поля, бредут деревья мимо,
И остаются сзади города.
Со мной в пути далекий белый Киев,
Бегут столбы, за окнами скользя...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

Армения!.. В окошках ранний вечер,
И на чинары оседает дым.
Как братья, горы вышли мне навстречу,
Окрашены закатом золотым.
Меня места встречают дорогие,
Встречают черноглазые друзья...
Передо мной твои глаза, такие,
Синей которых выдумать нельзя.

1951

ГОДЫ СПУСТЯ

Я образ твой хочу сберечь.
Я не хочу с тобою встреч.
Порой спешу с пути свернуть,
Чтоб не столкнуться где-нибудь.

Да, я хочу, любимый мой,
Чтоб жил ты в памяти моей
Таким, как был ты той зимой,
Той давней ночью без огней.

Чтоб, как тогда, меня любил
И той же синью цвел твой взор,
Чтоб ты нежнее снега был
И жег сильнее, чем костер.

Чтоб снова таяла зима
От жарких губ, от слов твоих,
Чтоб вновь я верила сама
В неповторимость смысла их!

Казалось мне тогда — ты мог
Забыть и славу и себя
И мир восторга и тревог
К ногам моим сложить любя.

Я образ твой хочу сберечь,
Я не хочу с тобою встреч,
С тобой, потухшим, серым, злым...
Ступай один путем своим.

1956

* * *

Разрыва боль не унималась долго
И душу жгла мне много горьких дней...
Казалось, убоявшись кривотолков,
Я отступилась от мечты своей.

Хотелось мне в твой скучный дом ворваться,
И разом двери настежь распахнуть,
И крикнуть, что нам незачем скрываться,
Что нас с тобой один уводит путь!

И вот сегодня в час закатный, гулкий
Я встретила глаза детей твоих,
Звучал их смех в пустынном переулке,
Светилась радость в темном взгляде их.

И спорили они и волновались...
“Клянусь отцом...” — они клялись тобой.
...Навек соединенные судьбой,
Мой милый, хорошо, что мы расстались...

1954–1956

* * *

Да, я сказала: “Уходи”, —
 Но почему ты не остался?
Сказала я: “Прощай, не жди”, —
 Но как же ты со мной расстался?
Моим словам наперекор
 Глаза мне застилали слезы.
Зачем доверился словам?
 Зачем глазам не доверялся?

1953

ВЕСЕННЯЯ ТОСКА

И за твоим окном, как здесь у нас,
Сегодня дождь шуршит, не умолкая?
И за твоим окном переплелась
Дождя и солнца пряжа золотая?

И у твоих дверей, как у моих,
Намокший ясень плещется, — не так ли? —
Роняя на асфальт с ветвей сквозных
Дрожащие, сверкающие капли?

И ты прохладой дышишь в тишине,
С окна откинув легкую гардину?
Ах, так же ли тоскуешь обо мне?
Ах, любишь ли меня хоть вполовину?

1954

ДОЖДЬ

Третьи сутки дождит за окном,
И под всхлипы воды отчего-то
Пробуждается в сердце моем
Жажда чьей-то любви и заботы.
Потянуло к печному теплу,
Захотелось, как прежде бывало,
Чтобы люлька стояла в углу,
Чтоб домой ты вернулся усталый,
Тихо двери прикрыл за собой,
Чтобы нежно прильнула к тебе я,
Чтоб сидеть нам безмолвно с тобой,
Перед собственным счастьем робея,
Чтобы пахло дитя молоком,
Чтобы чайник шумел, закипая...

Третьи сутки асфальт за окном
Дождь осенний сечет, не смолкая.

1954

* * *

Я поведу плечом надменно, гордо,
Я выдержу,
Тебя не стану звать.
О, если б люди знали, как мне горько!
Но этого никто не должен знать!
Не от смущенья опустив ресницы,
Иду среди чужих и незнакомых лиц...
Пусть все в груди пылает и дымится —
Лишь только б дым не шел из-под ресниц!

1954

* * *

Объятый именем моим,
идешь по улице с другой.
Я, с кем-то чуждым и другим,
иду по улице другой.
Несчастливы и я, и ты,
и те, чьи милые черты
Нам не милы. О плач земной:
Всегда — с другим, всегда — с другой!

1953

5 ОКТЯБРЯ 1957 ГОДА

Нынче все в поэты записались.
Лишь луна да звезды на устах,
За ракетой молодость и старость
Устремились в мыслях и мечтах,
А вот сердце... сердце так же бьется
И все той же следует судьбе.
Все гляжу я на твое оконце,
Все еще тоскую по тебе.

Сколько нового пребудет в мире!
Человек, к созвездьям устремясь,
Оборвавши притяженья гири,
На Луну подыметя, на Марс.
Но и там в душе его проснется,
Разольется музыкой любовь,
И в далеких сферах, близких солнцу,
Затоскует он и вспомнит вновь
Комнату и огонек в оконце
На далекой обжитой Земле...
И со всех дорог домой вернется,
О живом затосковав тепле...

Комнату и огонек в оконце —
В мирозданья беспредельной мгле!..

1957

ЛУННЫЙ СВЕТ

Душа луною переполнена,
Как будто я сама — луна
И с высоты глубокой полночи
Гляжу, землей изумлена.

Все пропасти, болота, ямины,
Что портили покров земной, —
Все потонуло в лунном пламени,
Преображаемое мной!

Окон созвездия несметные —
В них столько ласки и добра!
Уводят в будущее светлое
Дороги, как из серебра.

Платаны, тополи, оливы
Стоят в серебряной кайме,
Они, влюбленные, счастливые,
Ветвями тянутся ко мне.

И ты глядишь из тьмы бессонной,
Даря мне это волшебство, —
Моя любовь, шальное солнце,
Источник света моего!

1957

* * *

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною,
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.

Можешь весь мир движеньем одним
Или одним лишь зовущим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!

Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь,
Дай мне поверить, дай мне поверить!..

1956

* * *

Зачем хочу я крыльев и полета,
Когда к земле привязан крепко ты?
Зачем ищу какой-то высоты,
Когда не ждешь, не ищешь ничего ты?

Я жду, чтоб свет в твоих глазах забрезжил,
А ты одним насущным хлебом сыт,
Тебя уют надежный веселит...
Что ж, я самопожертвованьем брежу?!

Неужто лишь любовь к тебе — мой жребий
И я должна тебя таким принять?
Неужто больше не о чем мечтать,
Пора забыть о крыльях и о небе?..

1957

ВЕСНА В ЛЕСУ

С этой болью я будто моложе.

С. Есенин

1. ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ

Взглянул ты утром, не сказал ни слова,
Но как согрел дыханием тепла!
Улыбка взора темно-голубого,
Как облако, меня обволокла.

Теперь бродить я по дорогам буду,
Одета взглядом ласковым твоим;
Ты, словно небо, надо мной повсюду,
И, словно небо, ты недостижим.

Как будто песня, что давно пропета,
Приходит в сердце грусть, светло звеня...
О слезы — юности моей примета,
Вы не иссякли в сердце у меня!

2. ВЕСНА

Знаю, знаю я — виноват не ты,
А эти тающие снега.
Что сердце, снежные сдвинув пласты,
Вот-вот нахлынет на берега.

Не ты виноват, а болтун-ручеек,
Назначающий встречи у всех мостов,
Что мне дела нет до промокших ног,
Что шагаю и что-то пою без слов.

Это ветра, деревьев, неба, земли
Голоса, пробуждающиеся в тишине,
Виноваты, что каждый шорох вдали
Шагами твоими кажется мне.

Виноваты солнце, и облака,
И под дождиком шепчущие кусты,
Что глаза не могут заплакать никак,
Хоть, как туча, влагою налиты.

Видишь, милый, не ты виноват, не ты!..

3. ВСЕ МНЕ КАЖЕТСЯ

Все мне кажется — если увижу тебя
Побегу, как ребенок, навстречу тотчас
И застыну, покорная, не отводя
От тебя зачарованных, любящих глаз.

Но когда не спеша приближаешься ты,
Подымается гордо моя голова,
Холодеет мой взгляд, равнодушны черты,
На радушный поклон отвечаю едва.

Все мне кажется — если увидимся вновь,
Сердце скрытое настежь тебе отворю
И скажу тебе столько несказанных слов,
Столько трепета, света, тепла подарю.

Но при встрече пустой завожу разговор,
И остро, и колю, и развязно шучу.
Начинаю никчемный, бессмысленный спор,
Улыбаюсь надменно и зло хохочу.

Ну заставь же, заставь же меня замолчать,
Охвати мою голову, силой склони,
Отведи ото лба черно-синюю прядь,
Молчаливо в глаза мои загляни!

Дальше, глубже, до самого дна загляни!..

4. Я И ОНА

Стояла близ тебя, как властный страж, она,
А я...

Я мимо вас тогда прошла!..

Никто не знал, что я взяла тебя с собой,
Упрятав в глубину своих очей;
В ушах моих навек остался голос твой,
Дыхание твое — в груди моей.
Взяла тебя таким, каким со мною был,
Все лучшее в тебе с собой взяла:
Высокий твой порыв, и юношеский пыл,
И чистую весну, что так светла...
Шли медленно вдвоем под синевой небес
Мы к радугам, к весне, к дождям, к ветрам;
С улыбкою тропа нас провожала в лес,
Кричали “в добрый путь!” все птицы нам.
Ресницы приоткрыв побегов молодых,

Глядели ветви вслед миллионам глаз;
И влажная трава скрывала ног следы,
А поле, как родных, встречало нас.
Мы долго шли с тобой, с тобою вместе шли,
Без мелочных забот и без тревог;
Остались суета и вязкий дым вдали —
Все то, чем держит нас любой порог.
Была лишь песня, свет, и радость, и весна,
И утренняя даль видна была...

Стояла близ тебя, как властный страж, она,
А я...

мимо вас тогда прошла!..

5. НАША ПЕСНЯ

Весна тут позже и не так одета...
Но если б теплой речь твоя была —
Скорей исчезла б хмарь седая эта
И теплая вода скорей пришла.

Тепло речей!.. Но держится упорно
Туман, и холод, и безмолвный лед...
Весна иная здесь — не так проворна,
И даль глухая отзвука не шлет.

Вокруг шумят, смеются безыскусно,
И весело звенит язык другой.
Я в комнате своей одна — мне грустно.
И в мыслях вижу путь обратный свой...

А на столе — стихи лежат небрежно,
Не кончены... Армянский алфавит,
Как чей-то взгляд, такой знакомо нежный,
С привычной лаской на меня глядит.

Напомнили мне строки луч отважный,
Что узкое окно пронзал, горя:
Иль наш напев, тягучий и протяжный,
Или резной узор монастыря...

О песня — кров для наших душ печальный,
Земля отцов для тех, кто вдалеке,
Твои четыре строчки не случайно
Зовутся “тун”* в армянском языке!

1959

* По-армянски “тун” имеет двойное значение: и дом, и стихотворная строфа.

* * *

Не заставь меня плакать, — я плакала много, любимый,
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.

Безоглядно я шла, доверялась открыто и прямо.
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо.
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.

Мне бы тихо уснуть, по-ребячьи склонясь головою
На колени твои, — отдохнуть от тоски нестерпимой.
Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое, —
Вечерет мой день, уже ночь у порога, любимый.

1958

* * *

Веревками сердце свое свяжи,
Тащи за собой его, как раба,
И, как бы трудна ни была борьба,
Судьбу свою крепко в руках держи.

Холодной усмешкою взгляды мерь,
Где сердце, достойное твоего?
Не стоит никто чистоты его,
Единого стука его, поверь!

1957

* * *

Вот какой он, асфальт!

По нему каблуки целый день,
А на глади его — ни следов, ни морщинки,
ни складки.

И когда опускается полночи синяя тень,
Он лежит все такой же,
молчаливый и гладкий.

Вот какой он, асфальт!

Ударяют дожди по нему,
Грудь рассечь норовят, лижут, лижут...
Ну, а он... он не мокнет в осеннюю кутерьму
И не липнет беспомощной жижей
К каблукам запоздалых прохожих,
Что идут и идут по нему...

Если б сердце мое
на асфальт этот было похоже!

1957

ОСЕННИЙ ЗОВ

Зову тебя не робостью ветвей,
Едва зазеленевших,
Не весельем
Ручьев весенних —
Зову тебя я осенью своей,
Зову тебя я зрелостью осенней,
Безмерной грустью листьев опадающих,
Тревогой рек, в ущельях пропадающих...
Приди!
Уж заморозки, хоть и снега нет нигде еще, —
Мне нужен жар твой, теплота твоя!
Приди!
С моей ладони холодеющей
Вдаль улетают птицы в теплые края —
Нужна мне жаркая рука твоя!
Приди!
Последние плоды спадают на траву
С моих деревьев (о восторг вкушенья!..).
Отдачей осени, и самоотрешеньем,
И осени отчаяньем зову,
Зову я щедрой данью урожая:
Приход зимы опережая,
Приди!

1958

* * *

Если ты пришел бы, ты пришел, мой милый,
Если б каждый шепот не казался зовом,
Если б ожиданье сердце не томило,
Если б не бледнела от звонка любого, —
Если бы минута в век не вырастала,
Если б сердце хрупким от тоски не стало,
Если бы не стало сердце мягче ваты, —
Нитками б от сердца не тянулись строки,
Песни б не сплетались —

без тоски проклятой...

А потом, склоняя взор печально-строгий,
Девушка над книгой утро б не встречала
И моей строкою боль не облегчала...

Облегченье после песни, честно спетой, —
Как ты достаешься дорого поэту!..

1959

* * *

Не надо, милый, кляत्व, ведь это слепота —
Сегодняшнему дню грядущий дать в залог,
Поверим в этот миг — он истинно высок,
А ждать, искать, молить не будем никогда.

Близки и далеки, как будто две звезды,
Давай любить легко — как будто не любя.
Ведь столько есть цепей!

 Так новых для себя
Давай не принесем в него ни я, ни ты.

1958

* * *

Нас город девяти вокзалов свел.
А после руки девяти вокзалов —
Стальные рельсы — вырвали тебя,
Не размышляя, из моих объятий...
И опустело сердце у меня,
Как после отправления поездов
Платформы этих девяти вокзалов.

Во мне — тоска бесчисленных разлук,
Боль всех разлук на девяти вокзалах!
Протяжными, прощальными гудками
Летящих в девять точек поездов
Вздыхаю я
На стынувших дорогах...

1960

* * *

Любимый, эта тишь, как лед, звонка.
Любимый, сколько дней я жду звонка.
Телефонист сказал: “Наладим связь.
На всех дорогах ливни, грозы, грязь”.
Он в чем-то прав. Откуда знать он мог,
Что это мы стоим в концах дорог
И это наши облака тоски
Раскалывают небо на куски?
Что это наши руки в маете
Так диковато светят в темноте,
Ища друг друга между скал и звезд,
Напоминают молний перехлест.
И ветры ветрам излагают суть,
И ветры чувствам сокращают путь.
От них я знаю все, что знать должна.

А там сказали: “Связь повреждена”.

1960

ВЕРНОСТЬ

Если б ты знал, сквозь какие напасти,
Сквозь какие туманы любовь я несла!..
Огни твоего возвращенья угасли,
И шла я на ощупь, но все-таки шла.
Мне сердце немыслимой ношей казалось,
Дорога была от соблазнов душна,
Пьяня, как вино, искушение металось,
Но я — я в обратную сторону шла,
И если случайное доброе слово
Кого-то за мной уводило подчас,
Зеленый огонь светофора я снова
Меняла на красный — огнем своих глаз.
На празднике шумном
Всех звонче был смех мой, пожалуй,
И многим он отзвуком счастья казался, поверь.
А вечером поздним,
Прощаясь с моим провожатым,
С любезной улыбкой
Закрыла я накрепко дверь.
И я погружалась
В свое одиночество снова —

Не смейся, не смейся,
Осталась я верной судьбе,
Любви моей свету,
Желанию счастья большого,
Всей сути моей я осталась верна —
Не тебе!..

1960

РАЗРЫВ

Знаю, знаю, что она красива,
Что глаза — темнее ночи звездной...
Уходи. От нашего разрыва
Рухнут стены... Прочь, пока не поздно!

Не гляди в глаза мои украдкой.
Эти слезы — вздор, и что в них толку!
Плачь не плачь, а счастье было кратко.
Плачь не плачь, а горю длиться долго.

Уходи скорей. Открыты двери.
Не следи за мной в тоске неловкой.
Сердце не свыкается с потерей,
Коль к тебе привязано веревкой.

Ты отходишь, и петля невольно
Затянулась, будто мы все ближе!

Это больно. Понимаешь? Больно.
Оторвись!
 Уйди скорей!
 Уйди же!

1961

* * *

Чтобы поднять тебя на пьедестал,
Чтоб удержался ты на пьедестале,
Чтоб крыльями орлиными блистал,
Орлиным взором созерцая дали, —
За это я всю душу отдала.
Я верила в тебя, как верят дети,
За все твои недобрые дела
Передо мною не был ты в ответе.
Закрыв глаза, глядела на тебя,
Чтоб видеть лишь таким, как мне хотелось,
Обманывалась, вымысел любя.
Куда же ослепление это делось?
Ты рухнул с пьедестала, и тотчас
Прозрела я, но как сознаться тяжко:
Всем сердцем я платила за алмаз,
А оказался он простой стекляшкой...

1959

* * *

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.

Мне надобно было воскликнуть: “Постой!
Продли мою жизнь! Дай побыть молодою!”
Сказала: “Ступай! Этой ночью пустой
Дай мне посмеяться над нашей бедою!”

А верила чаду речей и лица,
Когда же мне в них обмануться случилось,
Сама отвела я глаза от лжеца,
И это была моя месть или милость.

Вовек не искала того, что нашла,
А то, что нашла, потеряла навеки.
Богатством утрат возгордилась душа,
Надменно отринув хвалу и наветы,

Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.

1961

* * *

Не думай, что был ты всех лучше и выше.
Уж так получилось,
Уж так это вышло...
Давили те дни, словно чья-то немилость,
За дверью дождливая осень дымилась,
Оттуда, снаружи — ни слуха ни духа,
Стучали часы методично и глухо.
Как слезы, стучали.
Тоску источали,
Тоску, что казалась такою бездонной,
Что в собственном доме была я бездомной.
Чернел телефон — глыба камня немого,
За дверью дождливая осень дымилась,
И сердце так к сердцу другому стремилось,
Что было в неправду поверить готово...

1961

НА ПОЛУСТАНКЕ

Шуршит толстовский лес, как книжные листы.
О, как он величав, как тих и необъятен...
Прочь, грохот городской, меня замучил ты,
Лишь этот шорох мне и близок и понятен,

О Анна, по твоим следам сейчас бреду,
Но тяжек шаг, — боюсь, еще труднее станет.
Твоя ль тоска песком лежит, как на беду,
Мое ли сердце вниз меня, как гиря, тянет?

О Анна, для чего ожгла железо кровь?
Обидней жертвы нет, нет горестнее доли!
Ведь сердце женское в отчаянии вновь
Дымится, и горит, и мечется от боли.

Опять расчетлив мир. Опять инстинкт влечет,
Вновь скачки и бега. Вновь Он — и мозг и воля.
И рядом вновь — Она: порыв — а не расчет,
Незащищенная в своей любви-неволе...

А вот и станция — скрещенных рельс клинки.
И телефон, что нас толкает на поступки —
Лишь руку протяни! — рассудку вопреки:
И — улыбнется вдруг победный голос в трубке...

О Анна, научи собою оставаться,
Уж лучше — под вагон, но в ноги — не бросаться!..

1966

* * *

Во мне нет-нет да оживет
Необъяснимая отрада:
Какая редкая награда,
Какой благословенный дар
Был горделивым предком мне завещан
И я, слабейшая из женщин,
Такую силу нахожу в себе,
Такую волю,
Что, одиночества предпочитая долю,
Не покоряюсь плачущей судьбе,
Я отпускаю человека на свободу,
Распутываю мысль его и крылья,
Идущие из сердца нити обрываю,
Своей рукою двери открываю:
На все четыре стороны лети! —
Да, я даю ему уйти.

Завидуйте мне, люди, страны — вся планета
И вы, властители чужой судьбы.
Не раб ваш слаб,
А вы слабы!
И потому, что есть у вас рабы,
И вы — рабы!
В любви свободен тот, кому отпущен дар
Ударом не ответить на удар
И даровать, любя,
Себе подобному свободу от себя...

1967

* * *

Настоящее нас развело,
В будущем нас ждет непониманье...
Наше — только прошлое.
Оно —
В нас Звартноцами воспоминаний.
И мы знаем с тобой непреложно:
Реставрация их невозможна.
Но от нас лишь одних зависит
Словом, брошенным ненароком,
Иль поступком неосторожным
Не осквернить, не унизить
Рухнувшие капители...
Если в прошлое вдруг вернемся,
Чтобы были у нас хоть камни,
Пред которыми мы могли бы
Помолчать, преклонив колена...

1969

* * *

Не вспоминается один — единственный,
Одной — единственной могилы в сердце нет.
Мерцают чьи-то имена таинственно
Над братскою могилой без примет.

Пред чьим же камнем преклоню колени я?
Кто жарких слез моих в молчанье вечном ждет?
Где свечи жечь, и воссылать моления,
И ладан воскурить — где камень тот?

1971

* * *

...И забыть, что есть дом, — и свой дом позабыть.
И забыть, что есть долг, — и свой долг позабыть.
И призванье свое, и свой род позабыть,
И признание твое, мой народ, позабыть.
Позабыть о стране, позабыть вдалеке
О своей несвершенной мечте и строке.
Позабыть о суде, позабыть о судьбе,
Все концы, все начала увидеть в тебе.
И однажды низвергнуться снегом с вершин,
И до верха заполнить долину-кувшин,
И растаять, разлиться, как в марте вода,
Чтобы русло твое поломать навсегда,
Чтобы к морю свое наводнение нести,
Чтобы сделаться морем самой по пути —
Осмеять, позабыть все основы основ
И любить без оглядки, без страха, без слов...

Ни к чему эти строки — как искра в золе.
Это все невозможно со мной на земле!..

1961

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН

Прости меня, любимый мой, прости.
Был прежде твоего рассвет мой ранний.
В моей душе — печать воспоминаний
И образы, забытые почти, —
Мне их не потерять и не найти...
Прости меня, любимый мой, прости.

И, если загляжусь я ненароком,
И если позову полунамеком,
И, с жаждой счастья в глубине глубин
К твоей груди прильну на миг один,
Чтобы в тебе опору обрести, —
Прости меня, любимый мой, прости.

В глазах моих сиянья не лови.
В них не горит счастливый свет любви,
В них — сумрак, Ванским озером хранимый.
Смятение грозы неукротимой
И верность долгу на крутом пути...
Прости меня, любимый мой, прости.

Должна другая стать твоей судьбою —
Смеющаяся, — та, что вся с тобою.
А я иным мечтаньям предана
И знать и помнить многое должна,
Мне от моих раздумий не уйти.
Прости меня, любимый мой, прости.

Любимый мой, счастливого пути!..

1960–1961

* * *

Ты моей любовью был, тайный свет бывшего ты.
Если кто-то сердцу мил — это снова, снова ты.

Пусть расстались мы, и я знать не знаю о тебе,
Пусть другой меня пленил — это снова, снова ты.

Пусть люблюсь не тобой, призываю не тебя,
Кто бы сердце не томил — это снова, снова ты.

Мне другого полюбить оказалось нелегко.
Ах, тебя он не затмил — это снова, снова ты,

Ты впитался в жизнь мою, как в сухую землю дождь,
Если сад мой полон сил — это снова, снова ты!

1954

* * *

Любовь, смятение и тоска потерь —
Куда вы скрылись из живого зданья
Моей души, где через окна в дверь
Мелькают сквозняки воспоминанья?

А мне казалось — вы в моей крови,
В моей душе замкнулись вечным кругом.
В усталый день без гнева и любви
Мы попрощались навсегда друг с другом.

Я как бы наблюдала в стороне
Безропотные расставанья эти,
И не вернутся никогда ко мне
Моих тревог, моих бессонниц дети.

Что ж! Примиришь. Не прячь печаль в очах.
Сама себе как будто незнакома,
Храни одна еще живой очаг
Давно детьми покинутого дома.

1971

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

И снова вспоминаю тех, что на сердце тоской остались,
И тех, что с юных лет в душе отрадой дорогой остались,

И вас, явившихся на миг, запечатлевшихся навечно,
Что для меня, как вешний гром над тихой рекой, остались,

И вас, мимоидущих, — вас, что удалились безоглядно,
Лишь озарили светом глаз и, словно свет благой, остались,

И вас, что видели меня, не видя и не замечая,
И в глубине души моей, как тайный непокой, остались,

И даже вас, что мне клялись в любви и клятвам изменяли, —
Вас, что покинули меня, моей тоской глухой остались, —

Беззлобная моя душа в тиши ночной благословляет
Всех, что запомнились навек и в песне хоть строкой —
остались...

1959

ЛИЛИТ

*“Ева”, — шептали его
губы, но душа его
откликнулась: “Лилит”.*

А.Исаакян

Ты — первый огонек меж первых двух кремней,
Ты — движущийся блеск неоновых огней,
Неуловимая от самых давних дней,
Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,
Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне,
Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,
Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты как праздничный тайник,
Родник влечения, сомнения родник,
Падение и взлет, блаженства краткий миг,
Лилит, Лилит!

Здесь — и земля и хлеб, а ты — порыв мечты,
Ты — где-то, и твои изменчивы черты,
Воспламененная, испепеляющая ты,
Лилит, Лилит!

Здесь — тихий, теплый кров, а ты — пустырь, простор
Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костер,
Здесь — примирение, а ты — извечный спор,
Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.
Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода
Меж небом и землей одна, одна всегда.
Лилит, Лилит!

1961

КЛЕОПАТРА

Воители, уставшие от войн,
Как много вы гордились и грозились,
А ныне грезите, как бедуины: вон
Оазис, что затеял бог Озирис.
А это — я. Я призываю вас!
Идите же! Я напою вас влагой.
Отважная, я проявлю власть,
Гнушаясь вашей властью и отвагой.
Стране врагов внушая страх и жуть,
Как доблестно глумились вы над нею!
Я тоже воин и вооружусь
Всей силою, всей слабостью моею.
Идите же! Теперь моя пора.
Вы славите, объятые смятеньем,
Светильник, возожженный богом Ра.
А это — я, И мой ожог — смертелен.
Страшитесь, победители морей!
Благие ветры вашу жизнь спасали.
Но из пучины нежности моей
Вам не уйти под всеми парусами.
Маяк удачи вас к себе манил.
И мчались вы. Как долго длилось это!
Но кончилось! Во мглу страстей моих
Судьба не шлет спасительного света.
Пусть царственное мужество мужчин,
Чье тело прочно, как стена Хеопса,
Вас приведет принять низайший чин
Безмолвного и вечного холопства,
Идите же в пески моей земли!
В глубь сердца, милосердного иль злого,
Проникну я, как холодок змеи...
Змея? Зачем мне страшно это слово?
Неужто переменчива любовь
Богов ко мне? Но это после! Ныне
Короны, шрамы и морщины лбов —

К моим ногам! В ночах моей пустыни
Вы, властные мужи, падите ниц!
Вовек вам с рабской участью мириться
И ластиться ко мне, как старый Нил:
“Прости, златокоронная царица!”
Идите же, цари! Я царь царей.
Я — все, словно вселенная и вечность.
Я — суть судьбы и возражение ей.
Я — женщина. Я — бог. Я — бесконечность.

1940

ДУМА О ЛЮБВИ

Любовь — как Родина!
Лишь ты один,
Единственный передо мной стоишь.
Единственный стоишь...
С какой из стран
Сравню пленительность родных долин!
Мы часто слышим речь о чарах дальних мест,
Но сколько ни могуч тот город — великан
И сколь ни полон звезд тот город — исполин,
А сердцу твоему милей родной очаг,
Земля, поля, родник...
В любимом имени звучит родная речь...
Любовь — как Родина! Умей ее беречь!..

1945

СЛОВА ЛЮБВИ

И на сияющей земле,
И в глубях сердца твоего
Останусь я твоей страной.
Останусь Айастаном* я.

Каких бы ни изведаль чар,
Я — пламя в холоде твоём,
Страданью твоему — сестра,
Успокоенье ранам — я.

Пленишься ль в пышных городах
Красою мраморных дворцов, —
Бессмертный камень стен Гарни**,
Окутанный туманом, — я.

Есть в мире бурные моря
И тайны глубже тайн морских,
Невыплаканным, полным слез,
Таюсь в горах Севаном я.

Кем хочешь, очарован будь,
Я знаю, что вернешься ты,
И горько жду, невольно став
Твоим родимым Ваном***, я.

1946

* Айастан — так называют армяне свою родину.

** Гарни — языческий храм I в. до н.э.

*** Ван — древнейший армянский город,
находящийся теперь на территории Турции.

ПЕСНЯ ПЕСЕН

Судьба мне все дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, чтоб горела,
Чтоб вечно беспокойною была —
Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали —
Чтоб понимала я, что кличет ветер,
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучилась и плакала, как Вертер,
И грустных песен знала голоса,
Чтоб все у мира брать и не бояться,
Сокровища души ему нести,
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб все отдать — и, значит, обрести.
Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Непролитые слезы и смятенье
И слышать затаенные слова.
Чтоб всех моих разбросанных по свету,
Неведомых, мятущихся сестер
Огни сердец, которым счета нету,
В моих стихах слились в один костер...
И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетиями долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женщины
Одной живой страницей легли!..

1961

ТВОРЧЕСТВО

В моих любовных песнях не ищите
Безвестных иль прославленных имен —
Вам не свершить каких-либо открытий,
Я не пойму сама — где явь, где сон.

В такие дни, которых вспомнить нечем,
Вдруг песня прерывала немоту
И, благодарная бескрылым встречам,
Крылатая, взмывала в высоту.

Мгновенный шепот, чей-то вздох несмелый
Иль чей-то взгляд, что счастьем засверкал,
И, словно эхо, песня зазвенела,
И, как в горах, в ней отзвук не смолкал.

Где эти люди, где мгновенья эти?..
В душе и в сердце — в существе моем.
Они — один-единственный на свете,
И только с ним сквозь жизнь я шла вдвоем.

Он явью был и вымыслом неясным.
Он был и не был, он не мог не быть.
Он воплощался ожиданьем властным.
Он возникал, чтоб я могла любить.

Он создан мной, мечтаньями моими,
Биеньем жарким сердца моего...
Вы понапрасну не ищите имя —
Ни мне, ни вам не отыскать его.

1961

ЧУЖАЯ
РАДОСТЬ
МНЕ – СВОЯ

* * *

Не жалеюсь на сердце я:
Пусть щежит, болит сильней!
Чужая радость мне — своя,
Чужая боль — своей больней.
Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру!
Лишь сердцем я всегда жила,
Пусть от сердца и умру...

1958

МОЕЙ МАТЕРИ

Утратой смертною, о мать моя,
Была ты обездолена так рано!
От светлых дней тебе осталась я,
От радостей живых — живая рана,

Томилась ива юности твоей,
Склоняясь над моею колыбелью.
Не напоило сохнувших ветвей
Иного счастья светлое веселье.

Как властно жизнь звала к иной весне,
Манила жизнь ликующей любовью,
А ты в ответ тихонько пела мне
И к моему склонялась изголовью.

Я выросла, легко мне и светло.
Счастливая, вошла я в жизнь большую.
Всем сердцем осознав добро и зло,
О мать моя, как о тебе грущу я!

Чем я воздам, печальница моя!
Мне так ясна немыслимость отплаты,
А для тебя всего дороже я,
Со мною все мечты свои слила ты.

Я славы для себя не жажду, мать,
Но стать хочу я сильной, мудрой, смелой,
В пути моем тебя достойной стать.
Чтоб ты об отданном не пожалела.

1940

ОСТАНОВИСЬ, ЧЕЛОВЕК!

Та женщина, неведомая мне,
И по причине, неизвестной мне,
Так плакала, припав лицом к стене,
Беду свою всем телом понимая.
Внимала плачу женщины стена.
Я торопилась — чуждая страна
Меня ждала. Мой поезд был — “стрела”.
Шла в даль свою толпа глухонемая.

Взлетел гудок. Стакан пустился в пляс.
Как бледный мим, витал во тьме мой плащ.
И вдруг огромный безутешный плач
Меня настиг средь мчащегося леса.
Печальный поезд сострадал ему —
Колесами, считающими тьму,
Он так звучал, внушая боль уму,
Как будто это плакало железо.

Болтался плащ, Приплясывал стакан.
О спешка мира! Как рвануть стоп-кран?
Плач, как палач, меня казнил стократ.
Подушка сна была груба, как плаха.
Остановитесь, поезда земли!
Не рвитесь, самолеты, в высь зари!
Мотор столетья, выключись, замри!
Виновны мы в беде чужого плача.

Повремени, мой непреклонный век,
С движением твоим — вперед и вверх.
Стой, человек! Там брат твой — человек
Рыдает перед каменной стеною
И бьется лбом в затворенный Сезам.
Люби его! Внемли его слезам!
Не торопись! Пусть ждет тебя вокзал
Прогулок меж Землею и Луною.

1962

* * *

Сердцу земли мое сердце сродни,
Если ты грудь мою плугом рассек —
В рану свои семена зарони
И соберешь урожай, человек.

1945

* * *

Проснулся день, смеясь, шутя, под вешним солнышком
блестя

Поют ручьи, цветут цветы, — и с ними ты, мое дитя.
Невольно загляделась я, и стало весело самой:
Как радостно растут цветы и вместе с ними мальчик мой,

Закат угас, но утром нас разбудит радостный рассвет.
Как солнце, угасает мать, но к юности возврата нет.
И, слыша сердцем детский смех, с глубокой болью вижу я
К земле склоняются цветы и вместе с ними — мать моя.

1944

У КОЛЫБЕЛИ

Ты — свежесть лунная, дитя,
Ты — луч рассвета ранней ранью,
Ты — слезы, что дрожат, блестя,
Ты — россыпь росная в тумане,

Ты — бел снежок, ты — первоцвет,
Ты — светлота звезды лучистой,
Ты — зоренька, яснее нет,
Ты — горный ключ, хрустально чистый...

Небесный свет, — ужели он
Земным огнем в ночи зажжен!

1942

* * *

То напев, любимый с детства,
У меня в ушах звучит
Или близко, по соседству,
Ключ серебряный журчит?
Синим глазом оглянулся
На меня цветок живой
Или ног моих коснулся
Свежий ветер луговой?

Не напев звенит веселый,
Не серебряный родник —
К материнскому подолу
Мальчик мой, смеясь, приник.

1948

МОЕМУ РЕБЕНКУ

Обнимаю ль тебя иль, склонясь пред тобою,
Отмываю от грязи ребячьи ножонки, —
Вдруг в душе зазвучит голос песни незвонкой,
И пойду я за ним, как идут за судьбою.

А когда унесет меня песня далеко,
Обжигая тревогою самозабвенной, —
Стоит крикнуть тебе — и вернусь я мгновенно,
Мне в надзвездных краях без тебя одиноко.

То становишься ты всех сокровищ чудесней,
То забуду тебя, слыша песни начало...
Ах, не песня ль с тобою меня разлучала
И не ты ли, сынок, разлучал меня с песней?

1945

* * *

Звезды свет молочный льют,
Погрузился мир во тьму,
А часы не устают,
Громко тикают в дому.
День и ночь они куют
Счастье крошке моему.

1946

* * *

Устав от огорчений повседневных,
От ссор и споров, от обидных слез,
От ревности слепой, от взоров гневных
И от ночей без радостей и звезд, —
В полночный час, холодный и суровый,
Решила я оставить дом, семью,
Все позабыть и стать свободной снова,
Мечтать, дерзать, искать звезду свою.

...Закрыла за собою дверь с трудом,
Но — закричал ребенок мой спросонок.
Я как безумная ворвалась в дом,
Лишь только бы не плакал мой ребенок!..

1945

* * *

Наверное, меня поймет лишь мать:
У материнских душ один язык.
Ступая тихо, чтоб не расплескать,
Стакан воды принес мне Араик.

Благословен труд материнский мой!
Всю жажду долгих лет в короткий миг
Я утолила этою водой,
Которую принес мне Араик...

1946

В ЦАХКАДЗОРЕ

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Лес шумит, алеют зори.

В Цахкадзоре был наш лагерь.
Поднимали утром флаги
Мальчуганы и девчата —
Темноглазые галчата.
Высоко шатер маячил,
Долетал до неба мячик,
Как мы все костры любили!
Эти дни ушли, уплыли,
Но плывет дымок тот синий
В памяти моей доныне,
Будто, девочкой, играя,
Все дивлюсь огню костра я.

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Тот же лес и те же зори.

Поднимаюсь лесом в гору,
Не спеша иду, не скоро:
Я веду с собой ребенка,
Он мне руку сжал ручонкой.
А потом бежит за птицей,
Пестрой бабочке дивится,
Мак срывает придорожный
И бегом назад тревожно —
Весь в пыли, устав от зноя, —
Вновь под крылышко родное.
Так бредем под солнцем летним
Мы путем тысячелетним.

В Цахкадзоре, в Цахкадзоре
Вечен лес, бессмертны зори...

1945

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Хочу я так воспеть тебя,
Слова такие подобрать,
Какими никогда, любя,
Ребенка не ласкала мать.

Осколок сердца моего,
Ты в мир вошел из рук моих.
Мой светлый, ясный, для кого
Таит тепло мой каждый стих!

Вчера едва ты лепетал
В своей младенческой поре,
А нынче мальчиком ты стал,
С детьми играешь во дворе...

Наш двор я вижу: ручеек
Бурлит, шелковица растет...
Здесь я играла, мой сынок,
Теперь и твой настал черед.

Все, что прошло в тени ветвей,
Все, что ручей унес давно,
Веселой резвостью твоей,
Твоей игрой возрождено.

Ты славно — вижу я в окно —
Играешь с детворой в снежки,
Не замечая, что давно
Осыпал снег мои виски,

Что взор тускнеет с каждым днем,
Подобно солнцу в облаках,
Но вспыхивает вновь огнем
В похожих на мои глазах.

Играй, мой мальчик, жизнь моя,
Мой мир — и прежний и другой,
В котором вновь рождаюсь я, —
Мой золотой, мой дорогой!

Хотела так воспеть тебя,
Слова такие подобрать,
Какими никогда, любя,
Ребенка не ласкала мать.

И что ж! Я знаю — песнь моя
Поется много сотен лет
И, вечно новое тая,
Хранит тысячелетий след...

1946

СЫНОВЬЯМ

Я умру в один из грядущих дней.
Черный некролог тиснут поутру.
Я запру не дверь комнаты моей —
Каменную дверь я навек запру...

А ведь так легко было до сих пор
Дверь мою толкнуть, заглянуть, шепнуть:
От какой тоски так померк твой взор?
Что в бессонной тьме навевало жуть?

...Книги, лампа, стол — тут они как тут.
Только нет как нет лишь меня одной.
В комнате моей на тебя найдут
Чувства, чьих имен в речи нет родной.

Ты начнешь молчать, я начну звучать
Шепотом со стен, с фото и с холста.
И тогда, как лед, треснет немота,
Чьи пласти росли долгие лета.

И раздастся стон с четырех сторон.
Из подушки — плач, приглушенный вой.

От жестоких ран я сквозь вечный сон
Содрогнусь, прося жалости живой.

Но мои глаза — боль и свет любви —
Все тебе простят с неба, как сейчас.
Нет ведь никого — помни и пойми, —
Кто бы знал, как ты, нежность этих глаз!

Бросишься ко мне, как бездомный зверь, —
Заперта навек каменная дверь.
Не поцеловать моих грустных век —
Каменная дверь заперта навек...

Трудный мальчик мой, здесь я до сих пор,
Дверь легко толкнуть, заглянуть, шепнуть:
От какой тоски так померк твой взор?
Что в бессонной тьме навевало жуть?

Милосерден будь, а не так суров,
Будь же справедлив, — сыном будь, мой сын!
У меня — свой хлеб, у меня — свой кров,
Теплоты прошу из последних сил!

Не за свой же прах — за тебя мой страх,
Ведь потом, потом, раненный виной,
Мучиться начнешь ты во весь размах,
Бедный мальчик мой, мальчик мой родной!..

ПЕСНИ О РОДНИКАХ-ПАМЯТНИКАХ

1

В чужом краю, в полях чужой земли
Без имени пропал он, без могилы.
Хотя б домой рубаху привезли,
Чтоб мать слезами кровь на ней отмыла...

Но памятник-родник стоит в селе,
В тени орешины зеленокудрой.
Немало их на каменной земле —
С войны у нас такой обычай мудрый.

Есть где поплакать матери седой.
Она сюда приходит утром рано,
Мешает слезы с льющейся водой,
Ласкает камень алый, словно раны.

Так каждый день встречаются они —
Сын с матерью, друг друга утешая.
Бежит вода — бегут за днями дни,
Безвыходное горе облегчая.

2

И день и ночь — свежа, легка —
Бежит вода из родника.
Пойдут ли пахари в поля —
Напьются, жажду утоля.

Горянка по воду пойдет —
На парня глазом поведет.
В тени орешины с утра
Шумит босая детвора,
Ребята бегают гурьбой,
Друг друга брызгают водой.
Течет вода и лепет свой
Вплетает в жизни шум живой.
В ней павших воинов сердца,
И ей, как жизни, нет конца...

3

Если мутны и совесть твоя, и душа,
Смотришь косо на все ты, чем жизнь хороша,
Если со справедливостью ты не в ладу,
Ищешь легкой судьбы, жизни в праздном чаду,
Если этой священной чистой водой
Никогда не омоешь ты пот трудовой,
Не падет его капля на землю отцов,
Не сольется в земле с кровью павших бойцов —
Проходи и не пей!

1955

* * *

Учебники сын раскидал по столу
И сном беспробудным — мальчишеским спит...
На вешалке новенький китель висит,
Ботинки — тридцатый размер — на полу...

Давно ли теплом материнской руки
Я пухлые ножки могла согреть?
Когда же ботинками школьными стать
Успели матерчатые башмачки?

Когда же мы столько успели, сынок, прошагать?

1953

МАТЬ И СЫН

Глядят друг на друга и слова не могут найти —
Глухая стена между матерью скорбной и сыном.
Два дерева — с кроной несхожею, с корнем единым,
Одно иссыхает, другому расти да цвести.

Не девять лишь месяцев, а девятнадцать лет
С любовью и трепетом сына под сердцем носила,
Всю душу, все помыслы, юность свою, свой расцвет
Вдыхала в сыновнюю плоть как духовную силу.

Стоят и молчат, ни один не опустит лица.
Меж ними молчанье такое, что дрогнули б скалы.
Единая кровь, но сколь розно стучат их сердца!
Быть ближе нельзя, но и дальше нельзя быть, пожалуй.

Откуда, когда, почему это все началось?
Тот путь, что от матери сына уводит, тяжеле,
Чем путь отступленья, где роты расходятся врозь,
Чем путь в кандалах по этапу сквозь посвист метели.

Где розни начало? Сегодня ли, час ли назад
Из темных глубин поднялся этот призрак разлада?
И мать ужаснулась, поняв, что сыновний взгляд
Таит отраженье чужого и чуждого взгляда.

Иль в прошлую зиму, когда, не смыкаячи глаз,
Ждала до утра, и, заслышав звонок, закричала
От счастья, от гнева, от мук, от всего, что тотчас,
Обрушась на сына, под матерью пол закачало?

Иль раньше, когда ни за что обругал он со зла
Товарища школьного... Боже, что с матерью случилось!
Она в испуг пощечину сыну дала,
А ночью от этой пощечины в муках металась.

Иль раньше еще, иль почти что от самых родин...
Ведь против капризов его у нее, одинокой,
Лишь ласки бессильным оружием были, а сын
В крови уже нес эти взрывы гордыни жестокой.

С весны ли, когда ты, девчонка, играла с судьбой,
Когда еще доброго не отличала от злого
И не понимала, что жизнь разочтется с тобой,
Что будущее подчиняешь ты власти бывшего.

О промах ребяческий, непоправимый вовек,
Хоть все перечеркнуто в давнем свидетельстве некоем...
Как страшно, когда самый близкий тебе человек
Мучительно видится самым чужим человеком!

1961–1969

* * *

Уходят сыны, уходят сыны:
В тапочках первых, из шерсти пушистой сплетенных,
В твердых сандаликах, стоптанных в играх и драках,
В ботинках, натертых до блеска, бегущих бегом
на свиданье,
В сапожищах солдатских, тяжелых и запыленных,
Уходят сыны, уходят сыны,
Увлечены и опалены
Лихорадкой огромного мира.
С каждой минутой — дальше на шаг,
С каждой минутой — нити слабей.
Неотвратимо отдалены,
Уходят сыны, уходят сыны.

Старая женщина встала в начале дороги.
Стоит и стоит одиноко на старом пороге,
Не шевелясь, не разгибая спины...
И все дальше уходят, уходят сыны.

1969

* * *

Твердь земную пропитала кровь,
Не смолкает гул артиллерийский...
Здесь узнали первую любовь
Лейтенант и девушка-связистка.

Все замолкло в грохоте свинца,
Но в громах, что ударяют близко,
Четко слышат, как стучат сердца,
Лейтенант и девушка-связистка.

1947

ПИСЬМА

Храбро бился батальон.
Бой окончился к закату.
В часть явился почтальон
И вручил письмо солдату.

Как победы свет живой,
Что блеснет на горизонте,
Как товарищ боевой,
Радует письмо на фронте.

Нежность материнских рук
В этих письмах пожелтелых,
Словно мать коснулась вдруг
Щек солдата загорелых.

Треугольное письмо
Душу наполняет силой,
Словно бьется в нем само
Сердце трепетное милой.

Полевым цветам сродни
Письма близких и любимых.
Дышат свежестью они,
Словно ширь лугов родимых.

...Здесь поля обнажены.
Над равниной безымянной
Тусклый блеск чужой луны
Меркнет в вышине туманной.

На груди листки лежат,
И, согретый теплым словом,
После боя спит солдат,
Словно под родимым кровом.

1945

РАСКАЯНИЕ

Ты любил, но все мне было чуждо:
В тягость были нежные признанья,
Преданность была смешной, ненужной,
Встречи — лишены очарованья.

Мне сказали, что в разгаре боя
Ты погиб... Немилый мой, мой милый,
Как же попрощаться мне с тобою -
На чужой земле твоя могила.

Как раскаянье меня отныне
Обличает горько и сурово,
Словно оскорбила я святыню,
Не сдержала клятвенного слова.

Жизнь ты отдал страждущей Отчизне...
Как мне жить с безжалостной ошибкой,
Как мне жить, когда тебя при жизни
Не дарила доброю улыбкой!

Отыскать бы мне твою могилу,
Высказать бы муке нестерпимой
Всю любовь, которой обделила,
Обделила я тебя, любимый!..

1945

* * *

Не вернулся сын твой с поля боя,
Наземь пал, чтоб больше не вставать...
Где, скажи, мне слово взять такое,
Чтоб тебя утешить в горе, мать?

Вот в саду сынок мой чернобровый
По дорожкам носится, смеясь.
Все, что есть на свете дорогого,
Отдала бы я ему сейчас!

Занозит ли палец он — от боли
Впору закусить губу самой;
Отойдет — тревожусь поневоле:
Где он, непоседа милый мой?

Чем же я в беде тебя согрею?
Где слова такие мне сыскать?
Может, я нашла бы их скорее,
Если б не носила имя — мать.

1944

ВДОВЕ ГЕРОЯ

Твоя утрата выше слез и стонов —
Ведь тот, кто был тобой, как жизнь, любим,
Боролся ради счастья миллионов,
А был весь век твоим — и лишь твоим.
И, словно кован из прочнейшей стали,
Он мужество бросал в лицо врагам.
Пред ним, как пред грозой, отступали.
А он, как мальчик, льнул к твоим рукам.
Нет меры горю!.. Но высокий жребий —
В последний миг в глазах героя всплыть,
Взлететь лучом в его померкшем небе,
В движение губ его предсмертном быть.
Какая это праведная участь —
Жить негасимой памятью о нем,
Сокрытою, бесслезной мукой мучась,
Любить его, гореть его огнем.
А в трудный миг печали и обиды
Его письмо достать, как талисман,
И гордой стать, и слез своих не выдать,
И пересилить боль живучих ран.
И, озаряясь светом этим прошлым,
Живой любовью мертвого любя,
Встать над соблазном, над довольством пошлым,
Что гибнет, разбиваясь о тебя.
И с этой чистой памятью живою
Идти вперед наперекор судьбе...
Пусть все вокруг зовут тебя вдовою,
А я подчас завидую тебе.

1959

ДЕВОЧКА В ЛЕСУ

Она еще совсем мала —
Лет пять на свете прожила,
А здесь, в лесу, полно чудес,
Как сказка, манит темный лес.
Откуда Оле знать о том,
Что бой гремел в лесу густом,
Что эти ямы в два ряда
Звались траншеями тогда!

И Оля дальше в лес бежит,
От мамы спрятаться спешит.
Вот яма на ее пути,
Здесь маме дочку не найти.
Откуда Оле знать о том,
Что стойкий взвод в лесу густом
В окопах двадцать дней лежал
И оборону здесь держал!

И Оля вновь бежит вперед,
Как сказка, лес ее влечет.
В другую яму забралась.
Срывает ягоды, смеясь.
Откуда Оле знать о том,
Что каждый шаг в лесу густом,
Веселый путь среди цветов
Оплачен кровью смельчаков!

Откуда Оле знать о том!

1952

ЗЕМЛЯ

Здесь, в дремучей чаще, в сердце леса,
Землю изувечила война.
Но истлело ржавое железо,
Темная воронка чуть видна,

Вся позаросла травой нежной,
Старый дуб раскинул корни в ней,
И уютно, мирно, безмятежно
Белый гриб уселся меж корней.

Ель широколапая над краем
Прикрывает трещины земли.
Всюду, всюду, всюду — нет числа им,
Незабудки ярко расцвели.

Нет, мы не забыли, не забудем,
Даже в этом полдне голубом,
Что земля цветет на радость людям,
Что земля цветет не ради бомб!..

1952

ВОЙНА

Осиротевших матерей
венчает славою народ,
Учтиво уступают путь
вдове погибшего бойца,
Охотно на руки берут,
ласкают бережно сирот,
Стараются от всей души
родного заменить отца.

А вы? Кто замечает вас,
случайно встретив на пути?
Вас, не успевших дорасти
до званий матерей и жен.
Потере вашей меры нет —
ведь не успели вы найти.
Чьи имена оплакать вам?
Ведь не узнали вы имен.

Вы не успели их узнать, они не увидали вас.
Вы были созданы для них.
Они бы всюду вас нашли.
Их тьма, ослепших, не прозревших, не
вспыхнувших любовью глаз,
Непрозвучавших нежных слов
во глубине сырой земли.

А каждый шепот милых губ
в вас целый мир бы разбудил,
Возвел бы кров над головой
очей влюбленных каждый взгляд,
И в ваших выцветших глазах
возникло бы сиянье сил,

Что наполняют женщин тех,
 которым о любви твердят.

Напрасно ждали вы дождя —
 жестокой засуха была.
Иссякла нежности река,
 и вы увяли вместе с ней.
И материнства благодать
 на вашу плоть не снизошла,
Не подарили жизни вы
 своих единственных детей.

Война... Не кончилась она,
 когда умолк последний взрыв.
Она, как мина, много лет
 взрывает медленно сердца.
Мать вечной памятью жива —
 ее ребенок с нею жив,
И дети взрослые вдове —
 живая память про отца.

А вы? Кого вам вспоминать?
 Чего вам ждать? Идут года...
Их след — морщинка на лице, в
 тяжелых косах седина.
Движение времени — увы! —
 вас не утешит никогда.
Вы те печальные поля,
 где продолжается война.

1958

В СЕВАНСКИХ ГОРАХ

Купаясь в струях света, одиноко
Стояла я в тиши Севанских круч.
Стояла я высоко, так высоко,

Что плеч моих орел крылом касался,
А ноги обвивало дымом туч.
Каким огромным, гордым мир казался!

Но вдруг, забыв о вековом просторе,
Я посмотрела вниз, ища жилья,
Ища тропинки на кремнистом взгорье.

По человеку стосковалась я!..

1948

НА ЮБИЛЕЕ ДЖАМБУЛА В АЛМА-АТЕ

Мы слетелись, друзья, из неведомых далей.
Как дышалось легко на высоком пути!
И как будто затем самолет создавали,
Чтоб могли мы друг друга скорее найти.

Пусть один от другого росли далеко мы
И в глазах отразился несхожий рассвет —
Мы беседуем так, будто с детства знакомы
Иль друг друга искали мы с детских лет.

Ведь от северных выюг до бесснежного юга —
Мы единой семьи, что любовью крепка.
Но могли ли мы, братья, понять друг друга,
Если б не было русского языка?

1946

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЕСНА

Солнце! Что ж ты глядишь так несмело?
Словно пламень сердечный погас...
Взглядом робким на миг обогрело
И за облаком скрылось тотчас...

В каждой почке, набухшей томленьем,
Ждут луча твоего лепестки,
Будто сердце порою весенней
В нежной власти любовной тоски.

Ждут они от тебя лишь намека,
Чтоб поверить счастливой судьбе,
Чтоб узнать, что весна недалеко,
Чтоб раскрыться навстречу тебе!..

1954

МОЕЙ ПЕСНЕ

Жизнь не дала мне ни сестры, ни брата
И друга верного мне не дала.
Не оттого ль тебя я, друг крылатый,
Своей сестрой навеки назвала.

Ты никогда меня не покидаешь,
И если я, безумствуя, порой
Тебя забуду, — надо мной витаешь,
Следишь за беспокойною сестрой.

Когда тебя, измучена кручиной,
На помощь призываю в час ночной,
Ты незлопамятна, мой друг единый,
С раскрытым сердцем ты всегда со мной.

Я на тебя слагаю ношу муки,
И ты ее безропотно берешь,
Протягиваешь строки мне, как руки,
Мучительную унимаешь дрожь.

Нет! Не клянусь судьбу, — она дала мне
Тебя, неугасимая моя.
Мне не страшны ни тернии, ни камни,
С тобой легка дорога бытия!

1945

ЗАПОЗДАВШИЕ СЛОВА

Бабушка, бабушка!
Ты — та рука осторожная,
Наша защита надежная,
Узловатые пальцы, набухшие вены,
Что из рук матерей,
еще робких, неопытных,
Забирали беспомощных,
но отнюдь не безропотных,
И несли нас к корыту, полному пены,
И купали нас,
Священнодействуя...

Ты в младенческих наших ушах,
Полных гула и звона,
Наша первая песня во мгле полусонной.
Словно нить, что малыша,
Только что отделенного от пуповины,
Прочно связывает с землей и отчизной
И с историей воедино...

Ты недремлющий глаз,
сон лелеющий наш,
Ты наш плач стерегущее ухо бессонное,
Нашим первым шагам ты опора и страж.
Ты гостинец,
что вечно для внука припрятан,
Горсть орехов и кисть винограда.

Ты объятье, что прячет обиду притихшую
И повинную голову,
 вдруг подзатыльник схватившую.
Вижу камень щербатых дорожек,
Вижу взгляд твой встревоженный,
Твой передник из ситца в горошек,
Куда катятся наши слезинки — горошины...

Уязвленная жестким невесткиным словом,
От сынов своих боль свою прячущая,
Снова и снова — всепрощающая
И сводящая вместе воду с огнем...
День за днем подымая нас выше и выше,
Все склоняешься ниже к земле...
К перестуке посуды — не пересуды,
А подавленный стон слышен...

Бабушка, бабушка!
Ты, в свое время не понятая,
На пьедестал на почетный не поднятая,
Словно книга святая в глубине сундука,
Затерявшаяся, непрочитанная,
Пусть земля тебе будет легка!
Ты в сердцах своих внуков,
Нынче дедов и бабок уже,
Голос долга восставший
И горькая память душе
О сладостных днях.
Вздых раскаянья слезный:
“Поздно... Поздно...”

1968

ОСЕННИЙ САД

Ты полыхай, ты пламеней,
Ты не бледней, осенний сад!
Еще совсем немного дней
Повремени, о листопад!

Ручей, беги, звени, дыши,
Не стань немым под тонким льдом,
Холодный ветер, не туши
Огонь, пылающий кругом!

Там, где горит еще листва,
Должна дождаться я любви,
Должна произнести слова,
Еще горящие в крови.

И смех в журчанье ручейка
Еще услышать должен сад!
Ручей, беги, звени пока.
О затянись же, листопад!

1955

ЖИЗНЬ МОЯ

Словно убывающий Севан —
Жизнь моя... Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несется сквозь туман
И севанские уносит воды.
Время каждой капле счет вести!
Жизнь моя, стремительней, бесстрашней
Закружи турбины на пути,
Напой сады, баштаны, пашни,
Одинокий тополь на скале,
Виноградник в поле знойным летом —
Каждой каплей послужи земле,
Все отдай — и позабудь об этом.

В каждом доме стань теплом и светом,
Стань вином и хлебом на столе...

1958

* * *

Как я люблю тебя, осень!
Люблю все твои приметы,
Как будто вместе с тобою
Не мое потускнеет лето,
Не дни мои надо мною
Увядшей летят листвою
И не юности моей птицы
Вдаль уносятся вереницей...
Осень, милая осень...

1954

ВЕСЕННЕЕ

Последний снег исчез, как сон,
Перил сверкающих не вижу.
О, кто предвидеть мог, что он
Так беззаветно канет в жижу!
Сперва покинул высоту —
Заполнил леса этажерку,
Теперь безмолвно чистоту
Принес цветам и солнцу в жертву.
Еще ни песни, ни ростка,
Еще не зная чувства меры,
Природа взвинчена, резка,
И безнадежно краски серы.
И бог весть что она творит,
С тех пор как поборола снежность!
Лишь ель зеленая стоит,
Вся — иероглиф слова “свежесть”!
Одна, во всем лесу одна,
У всех подруг под снежной маской
Приметы видела она
Апрельской зелени и майской,
Во имя лиственной поры
Надломы смолкой затирала,
Когда свирепые пиры
С бураном вьюга затевала.
Понять ли вспрыгнувшим от сна
Березкам тонким, словно нитки,
Как доставалась ей весна,
Зеленой этой пирамидке?..

1959

ЛОЗА

Слезы чистые сверкают —
Плачет юная лоза.
Теплый луч ей вытирает
Изумрудные глаза.

Говорят, когда морозы
Сдавят сердце у лозы, —
Пусть шумят весною грозы,
Не прольет она слезы...

Если ж слезы засверкают,
Как придет опять весна,
Значит, сердце оживает,
Значит, жизнь ее полна!

1954

ОБНОВЛЕНИЕ

Людское сердце как земля,
душа людская — тоже.
И сколько б сад ни умирал
от стужи и от дрожи,
И сколько снег бы ни лежал,
ни бушевали вихри,
И сколько град бы ни хлестал,
хлеба в полях ни никли, —
Жизнь все равно свое возьмет,
весна назад вернется.
И шар земной, как ни кружись,
не убежит от солнца.
И вот уж хочешь или нет —
росток пробился нежный,
И вот уже из-под земли
проклюнулся подснежник,
И вот уж льдины на пруду
раскалываться стали,
И вдруг увидишь поутру
на небе птичьи стаи.
Ручей о чем-то бормотал,
а тут развел рулады,
И расцвели уже цветы
и тянутся из сада.
А сад расцвел, хоть погибал
от стужи и от дрожи...
Людское сердце как земля,
душа людская — тоже.

1959

НА ПОРОГЕ НОВОГО ГОДА

И снова Новый год... В его преддверье
Не жажду ни любви, ни славы громкой.
Лишь снял бы с сердца тяготу потери,
Чтоб я могла дышать легко и емко,
Моей возобновляющейся вере
Помог бы он срастить хоть два обломка...

1960

ВЕСНА НА ВЕРШИНАХ

Не говорю — как жаль, что радовалась мало.
Не говорю — как жаль невысказанных слов;
Хоть трудно было мне — от жажды я сгорала
Вблизи манящих рек и родников.

И все ж я принесла в мой день осенне-серый
Весь трепет юности, порыв ее, полет
И веру детскую, необоримость веры,
Что в бездну лжи сорваться не дает.

И ясность девичью я пронесла сквозь годы,
И безыскусственность моя всегда со мной,
Как простодушный снег, что волшебством природы
И здесь, внизу, не тает в лютый зной.

Наверно, потому вся жизнь моя как счастье,
Как откровение осталась до сих пор,
Что свет моей весны не гаснет и в ненастье,
Как свет весенний на вершинах гор.

1969

* * *

Я стосковалась.

О том, чтоб с собою остаться наедине,

О предшествующей стихам тишине, — стосковалась

О том, чтоб смеяться в предутреннем сне,

О том, чтоб играть с детворой наравне, — стосковалась.

О том, чтоб из дома уйти ни за чем,

О том, чтоб бродить, не узнанною никем, — стосковалась

О том, чтоб обрадоваться счастливой строке, —

О мгновенье, когда весь мир держишь в руке, —

стосковалась.

Заботы мои, тревоги день изо дня

В водовороте своем кружили меня,

Отторгли меня от меня, с дороги сбили прямой...

Я вдруг поняла, даже дом мой — не мой

И что я по себе самой — стосковалась.

1970

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Уж двести с лишним лет лежу я на земле,
С ее смятениями неразлучный.
Уж двести с лишним лет и в стуже и в тепле
Томлюсь, недвижимый, беззвучный.

Когда-то истово трудились мастера —
Христоподобны и рыжебороды, —
Чтобы отлить меня, чтоб я гудел с утра
И ввечеру глаголом всей природы.

Я до сих пор еще к беззвучью не привык,
Хоть двести лет я с немотой свыкаюсь.
Расколот был мой бок и вырван мой язык,
А я царь-колоколом называюсь!

Глазеют на меня и летом и зимой;
Кому-то все равно, кому-то странно.
Отличный лак покрыл осколок тусклый мой,
Обычным экспонатом стала рана.

Колоссом зваться мне давно уж не под стать,
Обидна мне прославленность такая!
Мне б колокольчиком в руках ребенка стать,
Чтобы звенеть, звенеть, не умолкая...

1971

МОЕМУ БОГУ

Мой неведомый Бог, может, вправду ты есть...
Как легко я к тебе обращаюсь с мольбою!
Чтоб ни делал — всегда воздаю тебе честь,
Я внушаю себе быть довольной тобою,

Одарил дарованьем, влил силы в меня,
Выдал славы с лихвою и радости песен.
Но, одумавшись, может, иль щедрость кляня,
Взял и чаши весов ты привел в равновесье:

И меня, всемогущий, отца ты лишил,
Сиротой меня сделав еще до рожденья.
Даже память о счастье невесты — решил
Отобрать, мне оставив лишь боль отчужденья.

Отнимал постепенно, одно за другим,
Все, что женское счастье составить готово:
Отнял нежность мужскую и сладостный дым
Очага, лепет внуков, сыновнее слово...

Как бы жизнь ни грозила сразить наповал —
Не ропщу, не в моем это нраве... Но все же
Ты сравнил бы — что отнял и что даровал:
В равновесье ли чаши, о праведный Боже?..

1971

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Свои Достоинство и Честь
У Возраста — по чести.
В его распоряженье есть
Сто способов для мести,

О Небо! Укрепи стократ
Мой дух в бою упорном,
Чтоб этот дьявол мой закат
Не сделал смехотворным.

1971

Когда б я могла,
Как цветок увядая, склониться смиренно
И не оробеть.
Дать колосу жизнь, истлевая зерном постепенно,
И — не пожалеть.
Волной речной пропадая в море, заискриться пеной
И — звонко запеть.
Звездой по небу скользнуть мгновенно, пропасть
во вселенной
И — гибель стерпеть.
Когда б я могла
Умирать, как природа, и ночью и денно,
И — не умереть...

161

* * *

Ты дал мне жизнь, чтоб весела,
Светла и как заря была.
Меня Ты создал в день шестой
Как совершенство и как твой
Венец творения, как чудо...
И вот бреду, кручусь, ловчу,
То распрямлюсь, то в грязь лечу.
О господи, перед концом
Ни совершенством, ни венцом —
Дай человеком я побуду...

1976

* * *

Друзья потерялись один за другим
На долгих и длинных дорогах.
Ах, сколько внезапно исчезло на тех
Ни в чем не повинных дорогах!
Нет рядом со мною и тех, что живут:
Замешкались — я ли, они ли?..
И вот одиноко и молча стою
На этих пустынных дорогах.

1981

* * *

Как жаль, что стала я теперь другой,
Суровой и карающей я стала.
Отправила я лиру на покой,
С лихим огнем играющей я стала.
Часовней для молитвы я была,
А ныне стала капищем угрюмым.
И гневно протестуя против зла,
Жестокой, не прощающей я стала,

1981

* * *

Не мерить меркою своей
Мне мира радость и беду,
Вовек бы не рукоплескать
Тому, с чем сердце не в ладу...
Словами, что давно мертвы,
Меня хотят ввести в обман...
Не обмануться б мне самой —
Чужой обман я отведам...

1981

* * *

Суметь бы слиться мне с темнотой,
Точно глухие жить,
Суметь бы укрыться в себе самой,
С души скинув гири, жить.
Устала биться я головой
Об эти прутья глухие,
Суметь бы бескрылой и неживой
Как в летаргии жить.

1986

* * *

В душе своей, ношею долга согбенной,
Мне б точку опоры найти!
В сплошной толкотне мне бы прочную пристань,
Пройдя сквозь заторы, найти.
Мне встретить бы мудрого старца из сказки,
Чтоб был Туманяну сродни,
И путь на распутье помог бы мне верный
Средь всякого вздора найти.

1984

* * *

Если тайком навлеку беду,
Никто не узнает, одна буду знать.
Если солгу, предам, украду,
Никто не узнает, одна буду знать.
Если усопшего перевру,
Именем его поклянусь,
Он, дважды глухой, к моему стыду,
О том не узнает, одна буду знать.

1987

* * *

Радостно открыла я глаза
Поутру: как в комнате светло!
Отчего мне так легко сейчас?
Что случилось? Что произошло?
Недоброжелателю вчера
Просто пожелала я добра —
Помирилась я сама с собой, —
Я добром откликнулась на зло.

1984

* * *

Не печалься, что морщинки
Появились тут и там,
Исподволь берет природа
Все, что раздарила нам.
Не ропщи, что увядает
Жизни цвет во цвете лет.
Не приходит увяданье
Лишь к искусственным цветам.

1986

* * *

Когда чей-то мальчик рыдает,
мне чудится: внук мой рыдает,
Когда кто-нибудь умирает,
он будто меня упрекает.
Когда загубил кто-то душу,
мне чудится: я виновата —
Нарушила договор с Богом —
и кто-то за это страдает.

1985

* * *

Много ль, мало ль отдала,
В жизни взяв разбег, — не знаю.
Что ценнее — дар певца
Или человек — не знаю.
Часто вместо песни я
Людам руку подавала,
Как я — плохо ль, хорошо ль
Прожила свой век, — не знаю.

1982

* * *

Треснуло стекло. Чуть слышный звук...

Но пока снаружи незаметно.

Трещину дало и сердце вдруг,

но пока снаружи незаметно.

Есть еще вино в бокале, есть!

Я звеню еще... Еще звеню я!

Но вот-вот я — вдребезги! — из рук...

Но пока снаружи незаметно.

1981

* * *

Тяжко свидание, тяжело прощание,
Тяжко рыдание, тяжело молчание,
Тяжко верить, еще тяжелей
Впасть в неверие и отчаянье,

1982

* * *

Идеи чадят и дымят, но есть
Чистый огонь идей,
Идеи имеют своих святых
И блудных своих детей.
За идеи гибнут, уйдя в небеса,
Крылатые храбрецы,
Но созревают победы плоды
Для приземленных людей.

1984

* * *

Дороги ни вперед и ни назад
Ни трудной, ни спокойной — не осталось.
Задачи для решения — ни одной
Логической и стройной не осталось.
Зачем ты шпагу обнажил свою,
Ответь, о рыцарь добрый и печальный?
Увы, для Дон-Кихота ни одной
И мельницы достойной не осталось...

1982

* * *

Дым не страшен... Страшись
Фимиама, плывущего в полог небесный.
И не горечь страшна,
Опасайся ты сладостной дани словесной.
Если станешь ты вдруг всемогущ,
Наделен всеобъемлющей властью,
Ты страшишь лишь себя, своих прав
Непомерных страшишь повсеместно.

1982

* * *

Сколько их — похожих, что кричат про смелость,
Требуют отваги — но не от себя...
Требуют, чтоб вышли против лжи и фальши
В бой — не на бумаге! — но не от себя,
Сами ж недовольны: можно ли бояться?
Жертвуйте собою, бейтесь до конца!
Призывают смелых пасть на поле боя
От меча иль шпаги — только не себя.

1984

* * *

Супротив друг друга стоим,
 Словно шахматные фигуры,
Победить друг друга хотим,
 Словно шахматные фигуры,
Но все пешки и короли,
 Победив даже, лягут в ящик.
И другой сразится с другим,
 Словно шахматные фигуры.

1982

* * *

Не прославлены нисколько
сочиненья Диогена,
Всех интересуют только
злоключенья Диогена,
Не сыщи он жалкой бочки,
а живи обыкновенно,
Позабыли б вне сомненья
даже имя Диогена.

1985

* * *

Умершему — хвала, почет,
Живому — и почтения нет:
Мы оскорбляем, раним, бьем,
Сочувствия — и тени нет.
За гробом скорбно мы идем,
Слез и раскаянья полны...
Потом — все повторяем вновь,
И той беде — леченью нет.

1982

* * *

Совсем истомились, устали вконец,
На ощупь живя между правдой и ложью,
В надежде глядели на небо — но вдруг
Запрыгали градины по бездорожью,
Взаимы друг у друга надежду беря,
Питали друг друга взаимной надеждой:
Взгляни-ка, вот-вот забелеет заря
И мглу предрассветную вдруг уничтожит...

1987

* * *

Твои друзья, подобно шахматным фигурам,
когда вот-вот закончится игра,
устало падают на шахматную доску,
на шахматную доску вечной жизни.
А между тем другое поколение
вот-вот начнет игру, вот-вот возьмется
за пешку, чтобы сделать первый ход,

Утри же слезы,
мужество найди смириться с тем,
что у тебя отныне знакомых больше
под землей, чем на земле...

1969

ЭКСПРОМТ

*Из этой зрелой поры
Гляжу, как будто сначала...
С вершины моей горы
Все мелким, ничтожным стало.
Ов. Туманян*

И я достигла своей горы
И с ее вершины
Вижу,
Какая внизу толчея,
Как улыбаются, ненавидя,
Клянутся в дружбе и лгут,
Рвут из рук друг у друга славу;
Все позабывши, все отринув —
Высоту души, честь, идеи, —
В горячке карабкаются на Парнас,
Себя потеряв и теряя друг друга.
И не знаю, что мне благословлять —
Или годы мои, или ленивую кровь,
Или усталость моей дороги,
Или детское сердце мое, мой добрый гений,
За то, что я полна такой ясности
И такого света
И могу так мирно, так спокойно
И свысока
Смотреть вниз...

1974

ЗАЧЕМ ТОГДА ЖИТЬ?

Снова,
Опять
Даю себе слово
Сердцем остыть, душой не пылать,
Не возмущаться, не восставать.
Что мне, если бьет по полям
Град и плачет малыш несчастный?
Что мне, ежели путь непрям
И скрывается ложь под маской?
Обязал меня кто-нибудь
Ржавчину соскребать? Мне выпало
Выпрямить искривленный путь
И спасти этот мир от гибели?
И опять,
И снова
Я даю себе слово
Не ввязываться, смолчать,
В сторону отойти, тихо жить — не тужить.

Но возможно так жить?
И зачем тогда жить?..

1976

* * *

*Сотвори добро и в воду брось.
(Народное изречение)*

Сотвори добро и в воду брось,
Сотвори, не мысля, что авось
Воздадут тебе за то добро...
В речку брось, не более того;
В море унесет его река,
Чтобы море подсластить слегка,
Чтобы поднимался добрый пар,
Небесам даря свой щедрый дар,
Чтобы небо наполнилось добром
И добро чтоб, изойдя дождем,
На поля и души пролилось.

Сотвори добро и в воду брось.

1982

* * *

Внучке Лиавард

Ты с капелькой росы росток,
Былинка, ростом с ноготок;
Вся трепеща, в глазах — восторг —
Из дому рвешься на простор.

То ведро там, то из ведра
Льет и свирепствуют ветра;
Куда они — к моей беде —
Тебя закинут, бросят где?

1987

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ БЕРНАДОТЕ

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она.
Призрак сиротства тревожит народ —
К господу призван король Бернадот,

Славой оваян король Бернадот —
Республиканец, смельчак, санкюлот, —
А император его произвел
В маршалы и посадил на престол.

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она;
Воины в черном, и в черном дворец —
Ведь у отечества отнят отец.

Умер король Бернадот и звонят
Колокола день который подряд;
Во избежание нищей судьбы
В кирках молитвы возносят попы,

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она;
И, опочив, погребения ждет
В дальних покоях король Бернадот.

Торс королевский впервые нагой,
Розовою омывают водой,
А на груди — по поверить глазам! —
Надпись наколота: “Смерть королям!”

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она.
И отбывает в последний поход
Божий избранник — король Бернадот...

1981

ДОМ ПАСТЕРНАКА В ПЕРЕДЕЛКИНО

Как крепость обособлен и от времени
Дом, потемневши и осиротев,
Напоминал владельца тем не менее:
Был горд и строг, и боль таил и гнев.

В той крепости — священные реликвии
И вещи, что реликвиям сродни,
И духи обитали там великие
И уводили нас в былые дни.

Где ж эти духи — стража биографии?
Что ж не смогли остановить разгром?
И руки грязные весь дом разграбили,
И схож с футляром опустелый дом.

Встарь непреодолимы были крепости,
Сдавались только храбрецам они,
Теперь — все упростилось до нелепости:
Всего лишь только сверху намекни —

И цитадель бессильна против низости,
Хотя держалась против храбреца.
Но почему, герои, знаменитости,
Что призваны воспитывать сердца,

Вы не предотвратили надругательства?
Неужто за Иудины гроши
Вы рады опуститься до предательства
Себя самих и собственной души?

Неужто все жестокости и горести
Мы, как напоминанье, не храним
И сызнава с холопскою покорностью
Склоняемся пред веяньем любим?

Дом... Дом еще дождется воскресения,
Но только вам не избежать стыда.
Все вещи возвратятся из рассеянья
И в дом поэт вернется навсегда.

Но вы, вы — выселявшие в свирепости —
Себя лишь выселили... И опять
Своих имен, разбитых ныне вдребезги,
Вам не собрать.

1985

ПОЭТЫ

Памяти Гарсиа Лорки

**Пусть говорят поэты!
А вы тяжелую длань, тяжкую,
 словно камень,
Не опускайте на их уста.
Под тяжестью камня злак
Зачахнет, не станет колосом;
Родник, наткнувшись на камень,
В отчаянье повернет
Обратно в земные недра,
Пусть говорят поэты!**

Они приходят не часто,
Иногда между ними — столетья,
Но они вбирают в себя
Дух и таланты всех,
Кто жил до их появления,
Кто придет после их ухода.

Их слова — как итог, как сгусток
Всего, о чем в эти годы
Молчали и говорили;
Все это они должны
Исторгнуть из бездны души,
От имени тысячи тысяч
Пусть говорят поэты!

На границе меж прошлым и будущим
Они, словно антенны,
 принимают и передают
Голоса из прошлого в будущее,
И стоит сорваться их голосу,

Нарушится связь времен.
Пусть говорят поэты!

Через них от столетья к столетью
Передаются гены
Чаяний человечества:
Космонавта уносят к звездам
Сгоревшие крылья Икара,
Не отнимайте у века безумство, мечту и песню
Пусть говорят поэты!

Дайте им говорить!
От их простодушного лепета,
Обновляясь и молодея, превращается в малыша
Старый земной шар.
От выдоха их стихов,
Как от дыхания деревьев,
Очищается воздух, обогащается озоном;
А от раскатов их гневных строк
Над землей разряжается небо.
Не мешайте взаимообмену поэзии и земли.
Пусть говорят поэты!

Недостроенный дом когда-нибудь
С опозданием все же достроят;
Неверный расчет когда-нибудь
С ущербом, а все же исправят;
Только распятое слово
Никогда не воскреснет,
Задавленное, невысказанное,
Слово бесследно загинет.
Задушить слово — словно младенца
Задушить в материнской утробе.
Так пусть говорят,
Пусть говорят поэты!

1973

СУДИ МЕНЯ
ЛИШЬ С НАМИ
НА РАВНЬЕ

Դուստր՝ իմ սրբուն

Այս քարնառն հեք, այս ծաղկունջի,
Այս թռչնակի, այս առվակի,
Կետն այս երգի ու զարթոնքի
Բացվեց լեզուն իմ ճանհիկի:
Ու թարսվեց բառ մի ազգին
Հայկառն լեզվից մեր սրբազան,
Անուն ճառունդ հաղորդության
Դիտում ճանհառն շրթունքին:
— Ըսի՛ր, սրբի՛ն, պարզա՛մ սրբա՛ն,
Արիող քո մար Դուստր սրբունց,
Այս օրվանից հանձնում եմ քեզ
Հայից լեզուն հաղորդանքի:
Չորեք է շա, հանց անորդաւոյս
Յրհնեմքներն խոճանակի,
Եւտառել է խաղաղութիւն
Աւայտի հեք հայկառն շեքի,
Ու Մեքարդի սուրբ հանձնարով
Դարչել է գիր ու ճաշակաւոր
Դարչել է հոյս, դարչել դրո՛ւ,
Արեւել երբեք մեր՝ աշաղաղ...
Շրանով է միջնայել
Հայ պաշտօնաւոր զերթ էր սրտի,
Շրանով է սրտաւայել
Չուր երգն իմ Ժողովրդի,

Безоблачен был ранний мой рассвет.
Цветы, рукоплесканья в людном зале.
Едва ровнялось мне пятнадцать лет,
А уж меня поэтом величали.
Моя дорога ровною была,
До странности был гладок путь широкий,
И шумно заглушала похвала
Не частые, не громкие упреки...
Но для меня тот возраст миновал,
Когда бездумно впитывают славу.
Я прихожу в смятение от похвал, —
Да разве я их слушаю по праву?
Достойна ль веры, искренней такой,
Что в девичьих глазах блестит невинно
И светится за каждою строкой
В письме армянском, присланном с чужбины?
Что создала я за немалый срок?
Достойна ль я признательности этой?
Достаточно ль для совести поэта
Немногочисленных сердечных строк,
Прямолинейной жизни без лишений,
Не трудной и не жертвенной ничуть?..
Взыскательней, суровой, совершенней
В минувшем был поэтов наших путь...

Ни счастья, ни любви не жажду я.
К народу обращаюсь, дочь народа:
Нет радости мне ближе, чем твоя,
Нет скорби горше, чем твоя невзгода.

И сколько дней прожить мне ни дано
И сколько ни дано сложить мне песен, —
Отныне все тебе посвящено,
Мой стих, мой дар, — с тобой отныне весь он.
Посвящено все лучшее во мне
Твоим метаньям от стены к стене,
Твоим путям, где каждый поворот
От века был заклатьем заколдован,
И твоему спасенью, мой народ,
И возрожденью в мире нашем новом.
Подобно лучшим из твоих детей —
Твоим незабываемым поэтам, —
Я отдаю себя судьбе твоей,
Наполненной и сумраком и светом.

Хоть с лучшими и не равняться мне,
Суди меня лишь с ними наравне!..

1958

СЛОВО СЫНУ

Едва забормотал ручей,
Едва над зеленью долин
Запела птица меж ветвей —
Заговорил и ты, мой сын.
Ты слово первое сказал
На древнем нашем языке,
Губами детскими припал
К бессмертным струям в роднике,
Мой сын, тебе я отдаю
Наследство, обещаю беречь,
Как ценный клад, как жизнь свою,
Армянскую родную речь.
Гремел в пустынях наш язык,
Звенел у края горных троп,
Стрелою Гайка* в мир проник,
Ему учил народ Месроп...**
На свитках письменами стал
Стал нашим знаменем в веках
И вел народ меж диких скал
Под небом в хмурых облаках,
На нем о тяжелой доле пел
Изгнанник вечный — армянин,
Язык наш песнею гремел
В дни испытующих годин.

* *Гайк* — легендарный прародитель армян.

** *Маштоц Месроп* (361–440) — создатель армянского алфавита, великий ученый, переводчик, просветитель.

Бывало, пела мать, грустя,
Мне колыбельную на нем,
Теперь к тебе, мое дитя,
Пришел он, сквозь века, ручьем.
Чтоб, слыша, как поет ручей,
Губами ты к нему приник,
Чтобы от юности твоей
Помолодел и наш язык.
Храни его, да будет он
Так чист, как Арарат в снегах,
Храни его для всех времен,
Как незабвенных предков прах.
Ты защищай его везде,
Как защищал бы мать свою,
Придя на помощь к ней в беде,
Сражаясь за нее в бою.
Не запятнай же чистоты,
Куда бы ты ни правил путь.
И если мать забудешь ты —
Армянской речи не забудь!

1944

* * *

Армянская страна, родная сторона,
Огромен белый свет, а я тебе верна.

Ты стародавний храм над древнею скалой,
А небо над тобой — что купол голубой.

Голубкою бы стать под куполом твоим,
Чтоб тень его была мне кровом дорогим.

Куда б ни улететь — к тебе вернуться вновь,
Под купол голубой нести свою любовь.

Умру — меня твоя укроет тишина,
Армянская страна, родная сторона.

1945

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Бездонны любви материнской глуби,
И ею не зря дорожат.
Но и медведица тоже любит
Глупых своих медвежат.

Ярок огонь сердец влюбленных,
И горек им ветер разлук.
Но ведь и голуби головы клонят,
Теряя своих подруг.

Но есть любовь в человеческих душах,
Которой в природе нет.
Это — родины свет зовущий,
Отчего дома свет.

Нет, не инстинкт и не сила крови
К высотам ее привели, —
Долго пришлось за этой любовью
Странствовать детям Земли.

1946

ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Армянам за рубежом

Мой древний народ, мой мудрый народ,
С ореховым деревом ты сравним:
Ты в мира саду, средь горных высот,
Рос в самом конце, под ветром сухим,
Так мало земли под стволом твоим
И так распростерты руки ветвей,
Что падали век за веком вдали
Плоды, вскормленные кровью твоей,
На пыльные тропы чужой земли...

1946

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Нам, армянам,
 принявшим с древности вызов
Смертей и нашествий,
 всегда был близок
Гамлет, в наши вошедший души,
С нами по нашим горам идущий,
И по всем безысходным векам, как вехам,
И в каждой судьбе, и во всех домах
“Быть иль не быть?” — вопрошало эхо,
“Быть иль не быть?” — сводило с ума...

И вот на нашей земле возрожденной,
На милой земле, от мук огражденной,
На улочках высокогорных сел,
Под светлыми сводами новых школ,
У древних стен, что с резьбой чеканной,
Шумят развеселые мальчуганы.
Ты, чужеземец, бродя по склонам,
Бровей не вскидывай удивленно,
Слыша, как матери кличут их ласково
Именем бледного принца Датского.
Хотя они по-южному смуглые
И по-армянски они говорят,
Хотя черны их глазенки круглые
И угольками горят-горят.
Гамлеты, маленькие и потешные,
Над мудрыми книгами еще не потевшие,
Штанишки свои по заборам рвущие,

Бегущие от матерей за порог...
Еще невдомек им: а что оно — лучшее?
А где она — лучшая из дорог?
“Быть иль не быть?” — сомнение жгучее
Их не касалось еще и не мучило,
Но всем своим безоблачным обликом,
Обликом, солнечным светом облитым,
Но громким топотом и весельем,
Здоровьем, которого не погасить,
В мир устремленным взглядом весенним:
“Быть!” — они утверждают. —
“Быть!”

1957

ПЕСНЯ О НАШИХ КАМНЯХ

**О камни —
вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
и зданья траурные строили,
как памятники темноте.**

**Творцы с глазами отреченными
стирали кровь и пот со лба,
и камни в стенах были черными,
как наша черная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
и храмы древние черны,
и проступают в них измученные
моей Армении черты.**

**О камни траурные, черные
полов,
и потолков,
и стен,
захватанные,
закопченные,
со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
забившись тихо в уголки,
в земле таились камни радости,
как бы под пеплом угольки.**

О камни, спавшие веками
и время знавшие суровое!
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились —
вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
на землю,
к людям вырвались —
и стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние,
под цвет весенних наших дней,
и вся судьба моей Армении,
как и судьба ее камней!
Своими добрыми руками
их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!

1957

АРМЯНСКИЕ ГЛАЗА

Где ни встречу его: на лице ль малыша,
У крестьянки морщинистой и седоглавой, —
Узнаю этот взор: в нем сияет душа.
О армянские очи, прекрасны всегда вы!

Отразившие древних времен маету,
Сквозь беду и бесправье, сквозь боль вековую
Как смогли пронести вы свою красоту,
Задушевность такую и ясность такую?..

1957

НАШ ПАНТЕОН

Наш пантеон не пышен, не просторен:
Всего лишь несколько простых могил.
О мой народ, богатый смертью, горем,
Где ж ты других великих схоронил?

Веками в горьких думах об отчизне
Они трудились от нее вдали:
Родного крова не нашли при жизни,
По смерти не нашли родной земли.

Теперь на старых кладбищах чужбины
Покоятся они меж трав и мхов.
Одни — под небом дальней Аргентины,
Другие — возле Сены берегов.

А сколько их под острым ятаганом
В немой пустыне обрело конец!
Могилы их — сухой песок с бурьяном
Да боль живущих, раны их сердец.

Наш пантеон... В безмолвии, в забвенье
Разбросан он по всем краям чужим.
Лишь слезы, слезы и благословенье
Наш дар могилам дальним дорогим!..

1957

ТОПОЛЬ В КАРАБАХЕ

Чем отдаленнее растет он в горах, на крутизне,
Без материнского присмотра, в пустынной стороне,
Тем шире расстилает корни в кремнистой глубине,
Тем гуще, тем богаче соком армянский тополь.

Чем он плотнее загорожен суровою горой,
Чем злее хлещет град и ветер его бока порой,
Тем он упрямей спорит с бурей, покрыт броней-корой,
Тем выше под дождей потоком армянский тополь,

Стремится голову поднять он, чтоб через горный вал
Мог Ереван его увидеть среди замшелых скал.
Чтоб крикнуть: "Буду крепче камня стоять я, как стоял,
Верь, выше гор в краю высоком армянский тополь".

1960

КАРАБАХСКОЕ НАРЕЧИЕ

Язык этот, словно скала, неотесан,
И древен, и груб, как будто скала.
И тверд и упорен, как будто утес он, —
Его бы и буря разбить не смогла.
В народ навсегда неколеблемо врос он,
Как горная цепь в эту землю вросла...

1960

АССИРИЙКА

На миг замедлив деловитый шаг,
Огромный город, вспылчивый и властный,
К ее лицу подносит свой башмак,
Чтоб чистила и украшала ваксой.

Как шаль ее старинная бедна,
Как пристально лицо над башмаками,
И чернота ее труда — бела
В сравнении с двумя ее зрачками.

О, те зрачки — в чаду иной поры —
Повелевали властелинам мира,
И длились ниневийские пиры,
И в семь цветов цвела Семирамида.

Увы, чрезмерна роскошь этих глаз
Для созерцанья суетной дороги,
Где мечутся и попирают грязь
Бесчисленные ноги, ноги, ноги...

Что слава ей, что счастье, что судьба?
Пред обувью, замаранной жестоко,
Она склоняет совершенство лба
В гордыне или кротости Востока.

1957

НА ДАЛЬНИХ ДОРОГАХ

Плывут, уплывают на юг облака,
А поезд на север спешит, и вокруг
Поля колосятся, и даль широка...
Плывут облака, уплывают на юг.

Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковым, диким, скалистым горам!..

1950

ВСТРЕЧА НА ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЕ

Париж, волшебный Париж,
Зеркальный мрамор былого...
А на прославленной башне,
 над множеством крыш
Я увидела хиппи...

 (Какое чуждое слово!)

Средь чуждой толпы — одна.
(Скорее всего — шведка).
Волос льняная копна
Вразброс по одежде ветхой.
Как будто — все под откос.
Лохмотья куртки прикрыты
Потоком жестких волос...
(И вызов тут и защита).
Нищеты подчеркнутой вид —
Вызов роскоши и лицемерью.
(Эту душу куда-то манит,
Но ковчег и причал — безверье).
А глаза!

 Бездорожье глаз!..

Я в них будто в клетке железной,
Будто свет навсегда угас
И кричать и звать бесполезно...

Мне б добраться, добраться скорей
До Армении, пасть на колени,
Целовать бы обломки камней,
Помня участь иных поколений,
И глядеть на родные черты,

Прикасаюсь к священным лохмотьям
Вековой заветной мечты,
Для которой мы слов не находим,
Лишь бы молвить: беру я, беру
Многотрудный удел мой дочерний!
Песней, сказкой, легендой чаруй,
Мучь дорогами, полными терний;
Чем захочешь, зови и мани —
Светом сердца и тяжелой юдолью;
Простодушием — детство верни
Иль состарь неизбежною болью,
Лишь единства с тобой не лиши,
Не оставь без корней, без причала,
Чтобы опустошенья души
Никогда, никогда я не знала..

1971

СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ

*Памяти Мисака Манушяна,
героя французского Сопротивления*

Будет небо безмолвным и гильза пустой.
Будет жизнь, у которой не будет меня.
И окончится времени ход холостой
На туманном пороге победного дня.

Я люблю тебя, Франция, горькой судьбой
Сироты и скитальца и с песней вдвоем
Остаюсь, как положено сыну, с тобой —
Всею верностью в рыцарском сердце твоём.

Я люблю эту землю беды и удач.
Желчной злобы в душе ни к кому не тая,
Даже против тебя не имею, палач,
Ничего, безутешна пустыня твоя.

Вы, живые, — живите! Светла и нежна,
Вас на праздник весна позовет в зелена.
Полюби, если встретишь, другого, жена.
И будь счастлива в этой любви за меня.

Я мечтал быть поэтом. Я грезил в свой срок
Нянчить сына в построенном мною дому.
...А оставил тетрадь незаконченных строк
Да пропахшее порохом имя в дыму.

Отвезите в Армению эти листки,
Эти знаки тоски, и мечты, и труда.
Здравствуй, Родина! Вот мы и стали близки
В этом мире с тобою. Прощай навсегда!

1956

МОИ ИСТОКИ

В дни Вардавара* к родникам бегущих
Девчонок юных радость есть во мне.
Прохладный смех без видимой причины,
Что льется, как из горлышка кувшина,
И озорство их песен есть во мне,
И тяга к легкомысленным подчас
Задиристым словам...
Но в трудный час
Я чувствую в себе
Армянских матерей живую силу,
Что у врага пощады не просила,
Армянских матерей,
Хоть маленьких, но стойких,
Наседок,
Под крылом птенцов укрывших стольких, —
Их гнев и волю чувствую в себе.

Наряженных, торжественных, без слов
Идущих в церковь величавых снох
В моей походке плавность и осанка.
В моих глазах — острастка и приманка
Их взглядов, полных темного огня...
Но в жилах у меня
Есть сдержанная кровь
Армянских жен, свой берегущих кров,
Мужей — скитальцев молчаливо ждущих,
Терпенье у родной земли берущих,
Не видящих любви по многу лет, —
Во мне их верность,
Их спокойный свет...

1960

* *Вардавар* – языческий праздник воды.

ГОЛОС НВАРД*

Как древний Масис, я всегда на земле твоей,
Как эта земля, терпелива в тоске одинокой.
Столетиями жду тебя из тумана глухих путей,
Утраченный мой, мой далекий!

**Когда ж надломился твой вольнокрылый дух,
Боровшийся с ворожкой ассирийки лукавой?..
Как мрамор колонны, ты рухнул, как факел,
потух,
Мой царственный, мой величавый!**

**Бездумные семиамиды — без тайн, без чудес —
Веками твою чистоту искушали коварно,
И образ божественный твой из тебя исчез,
Мой доблестный, мой светозарный.**

Маня поцелуй поцелуем, притворно скорбя
О слабости женской и втайне ликуя беспечно,
Они — побеждаемые — побеждали тебя,
Мой светлый, мой простосердечный!

О, как я, царица Нвард, опознаю тебя, государь,
В трущобах каких городов ты блуждаешь
бессонно?
Откуда, хмельной, ты влечешься под красный
фонарь,
Мой гордый, мой огнерожденный!

*** Навард** – жена легендарного армянского царя Ара Прекрасного, отвергшего любовь ассарийской царицы Семирамиды.

Пустующим трон, нетронутым ложем зовет
Тебя, государь мой, отеческая обитель.
С тобой лишь вкусила я счастье, как сладостный
плод,
Единственный мой, мой властитель!

Из капищ языческих,
из христианских церквей
Мой голос несется к тебе неужели напрасно?..
Две тысячи лет заклинаю любовью моей, —
Вернись, мой Ара, мой Прекрасный!..

1976

ВДАЛИ ОТ АРМЕНИИ

Язык любви один и тот же всюду.
Не знаешь ты армянского, и все ж,
Когда тебе я по-армянски буду
Шептать “люблю”, невольно ты поймешь.

Но эта боль, что мне дана судьбою,
Не гаснущая в яви и во сне...
Ведь столько дней, как я брожу с тобою,
Но грустно мне и одиноко мне.

Армении не видно здесь, не слышно...
Как далека нагорий тишина!
Когда шумит вокруг твой город пышный,
Во мне безмолвствует моя страна.

И Арарат... Он лишь горой библейской
Вам чудится, заоблачный, а нам
Он скорбь и радость в беззакатном блеске,
Надгробье, колыбель, бессмертный храм...

Поймешь ли боль веков, тебе чужую!
А мы живем, ее в крови храня.
Пусть на твоём наречье расскажу я
Про эту боль — ты не поймешь меня...

1946

ВОПРЕКИ ГЕОЛОГИИ

Как представить,
Что шли века,
Миллионы веков, не менее,
И не существовало Армении
И армянского языка.
И Масис не слился с нашей душой,
И Севан не слился с нашей слезой,
И земля, и камень, гора и лес,
Эти шорохи, шепоты были
Без дыхания нашей печали...
И за землю, судьбу любого клочка
Тайной дрожью мы не дрожали;
Боли не было никакой
Да и радости никакой...
Лишь текли и текли века.

Не бывало поры такой,
Не бывало наверняка...

1974

* * *

Твой хлеб — с просвирку,
А земля — с хачкар...
А боль твоя,
А мук бессильный жар,
А океан твоих обид —
Способны
Залить земной
Многострадальный шар.

1981

* * *

Ты не потому ли так мал, Айастан,
Чтоб полностью в наших сердцах раствориться?..
Спасенным листком манускрипта ты стал,
Из книги сожженной — спасенной страницей, —
Чтоб горстку земли твоей, как талисман,
Мы вечно у самого сердца носили,
Чтоб именем мы очищались твоим
От лжи, пред которой бессильны границы.

1981

* * *

К тебе с огнем являлись и с мечом.

У букв своих ты набирался сил,
Не жизнь и не имущество свое —

Из пламени ты книги выносил.

Мир пред тобой жестоко виноват,

В грехе погряз он с головы до пят...

Устами своего Нарекаци

Ты отпущения грехов просил,

1981

* * *

Чтобы выстоять, ты письма
Полные живого жара создал.
Близ Масиса ты в душе своей
Своего Масиса чары создал.
Камня было больше, чем земли,
Смерти было больше, чем камней...
Чтобы смерть и камень одолеть,
Ты бессмертные хачкары создал.

1981

* * *

С высот армянских крепостей
Всего лишь на ступень спуститься,
И в убеждениях своих
Всего лишь словом поступиться,
И, взяв святыя писмена,
Пожертвовать всего лишь буквой —
Взамен же получить весь мир?..
Позвольте мне не согласиться!

1981

* * *

Озаренностью святою
 Не владела я, прости.
От мирского отказаться
 Не сумела я, прости.
Смертникам твоим подобно,
 Отрешившись от всего,
За тебя погибнуть — силы
 Не имела я, прости.

1981

* * *

О душа, чтоб тебе не застыть, — по горе
 Той далекой, святой ты должна тосковать,
У источников щедрых — по капле воды
 Родниковой, живой ты должна тосковать.
Фитилем для свечи все мечтанья скрутив,
 Ты должна все гореть, и гореть, и гореть.
У амбаров, наполненных сытым зерном
 По просвирке простой ты должна тосковать.

1982

ПОДРАЖАНИЕ ХАЙЯМУ

Поднатужится твой род — что же дальше?
Всех с лица земли сотрет — что же дальше?
Проливая кровь и кровью истекая,
Всю вселенную займет — что же дальше?..

1981

* * *

Пушай синевою фиалки горят,
А розам — сиянье останется,
Пушай над историей суд сотворят,
Тогда с нами знание останется.
Зачем перекраивать и убивать
Гармонию почвы и дерева,
Березы на севере пусть шелестят,
А тополь наш с нами останется.

1982

* * *

Ты, ветер, без разума к морю несешь
 Набухшую тучу — по неразуменью!
Внизу опаленные солнцем поля
 И выжжены пастбища, сохнут селенья...
На что, ах, на что ему, морю, она —
 Та горстка дождя, что из тучи прольется?..
Да разве же море сумеет понять
 Воды самооценность и жажды томленье?

1984

* * *

В Армении моря не сыщешь —
Лишь горечь столетий осталась,
Моря отошли и исчезли,
Лишь камни на свете остались.
Мы бьемся, как рыбы на суше,
Барахтаясь и задыхаясь.
У моря, которого нету,
Лишь колья да сети остались.

1985

* * *

Надеждой распахали грудь твою,
А вот засеять к сроку позабыли.
И вскрыли клинописное ребро,
Расшифровать — что проку?! — позабыли.
Сказали, что ты новый Иисус,
Что пострадаешь за грехи людские,
И дали на кресте тебя распять,
А снять с креста пророка позабыли.

1986

* * *

Века и мир — свидетели тому:
Ты должен сам торить свои пути,
По скалам, по ущельям, по горам,
Карабкаясь и падая, идти...
И если будет путь твой прегражден,
То ты в священных поисках своих,
Дорогу вырубая в глыбах гор,
В скале Гегард свой должен возвести.

1984

* * *

Видит Бог, мне не песни отрада нужна
И не чары любви, не забава нужна,
Дайте мне и стране хоть немного вздохнуть,
А совсем не награда и слава нужна.

1986

* * *

Ты стисни зубы, только слез пред всеми
 Не проливай — ты не имеешь права.
Пускай ты обескровлен, но оружия
 Ты не сдавай — ты не имеешь права.
Поэт армянский, что бы ни случилось,
 Пускай в бою падет последний воин,
Не усомнись в бессмертии народа,
 Не забывай — ты не имеешь права!

1982

ГРУСТНЫЙ ВАЛЬС, НАПИСАННЫЙ ПОД ГРОХОТ ПРИЕМНИКА

Острову Кипр

Джаза рычание,
Саза журчание...
Дела им нет
До чужого отчаянья,
Не беспокоит
Средь звона и визга,
Что остров какой-то
Кровью обрызган...
Прав, виноват ли,
Друг, супостат ли
Кто-то там, где-то, —
Дела им нету!
Без разрешенья
Иль по решению —
Вместо свободы
Страх разрушенья.
Что им за дело,
Что за забота,
Что обездолен
Где-то там кто-то!..
Кто озабочен,
Кто растревожен
Тем, что какой-то
Дом уничтожен?
Что поселились
Страхи и беды

Там, где играть бы
С внуками деду...
Рухнула кровля,
Стены и остов...
Залит он кровью —
Маленький остров...
Нефть? Дарданеллы?
Нет и в помине!
Крик лишь души,
Вопиющей в пустыне...
Что за цена ему —
Крику души?
Дорого ль стоит?
Стоит — гроши.
Кто его слышит —
Чужое отчаянье?
...Джаза рычанье,
Саза журчанье...

1974

СОН

**Запенилось ночное море, зарычало,
Уже от голода заглатывает скалы,**

**И среди волн, о Боже, в свистопляске
Кричит младенец по-армянски, по-армянски.**

**Как мне спасти его, как вытащить на сушу!
И сердце рвется из груди моей наружу,**

**Бегу и падаю, от ужаса немею,
И не могу позвать, и плавать не умею.**

**Кричит младенец, все еще кричит младенец...
Крик разбудил меня, уже заря зарделась,**

**И не штормит, но помнит раненое сердце,
Что не могла, что не могла спасти младенца...**

1981

ЛУР-ДА-ЛУР*

Лур-да-лур и лур-да-лур — и в этом есть
Песня страсти, рана страсти, страсти весть.

Околдованы мелодией такой,
Поднимаемся по лестнице крутой.

Лур-да-лур и лур-да-лур — и в этом есть
Песня счастья, рана счастья, счастья весть.

А ступенька перебита пополам,
Неизвестно и известно это нам.

Лур-да-лур и лур-да-лур — и в этом есть
Песня грусти, рана грусти, грусти весть.

Кто разбил ступеньку, крадучись тайком,
Сознаем, наверно, и не сознаем.

Лур-да-лур и лур-да-лур — и в этом есть
Песня скорби, рана скорби, скорби весть.

Но встаем и вновь по лестнице идем,
Пропадем, а может, и не пропадем...

Лур-да-лур и лур-да-лур — и в этом есть
Наша песня, наша рана, наша весть...

1981

* По народной легенде, пастух сватается к дочери бека. Бек обещает отдать ему дочь, но при условии, чтобы пастух, играя на свирели, завлек по деревянной лесенке на вершину крутого холма отару овец. На звуки мелодии "Лур-да-лур" овцы как зачарованные поднимаются по лесенке, но, не дойдя до вершины, одна за другой срываются вниз. Оказывается, бек тайком сломал верхнюю ступеньку...

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ

Памяти далекого земляка

В Армении цветут, белея, абрикосы,
Но не зову тебя — явись и посмотри!..
Ты холоден и нем, исчерпаны вопросы...
С тобой — зима, зима. Снаружи и внутри.

Невестки, сыновья и внуки — все в печали,
Скорбят на языке чужой тебе земли.
Зачем они мольбе души твоей не вняли,
Хотя б одну сноху — армянку в дом ввели...

И Арарат, к стене прибитый у постели,
Осиротел навек, теряя с домом связь.
Бумаги все твои, все книги онемели,
Умолкли навсегда, как клинопись и вязь...

О кто раскроет их? прочтет хотя б записку?..
Глухая тишина вокруг тебя висит.
И лишь сестра твоя, как на земле битлисской,
На языке твоём, прощаясь, голосит...

1981

НЕ ЗАВИДУЮ

Я всемирно известным
 не завидую племенам,
Их морям не завидую,
 их просторам с лугами и рощами;
Не завидую их обласканным
 счастьем векам,
Их церквям, крепостям и дворцам,
 утопающим в роскоши.

Я завидую их языкам,
 всемогущим их языкам,
Что гудят мощью рощ и лугов
 и в корнях сберегают основу,
Что, послав позывные
 космическим кораблям,
На ребячьих губах,
 как цветы, распускаются снова.

Их поэтам завидую
 и завидую их матерям,
У которых нет страха
 пред гибелью слова.

1981

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА В МАРСЕЛЕ

Средь адского шума и гама
Густой толчеи городской
Под сенью армянского храма
Ютишься с сиротской тоской
Ты, отзвук огромного горя,
Ты, искра пожаров больших,
Один — среди серого моря
Домов и балконов чужих.
Зачем тебе к небу стремиться? —
Твои небеса далеки.
И кто подойдет и склонится
Над траурной вязью строки?
Кто вникнет в узор твой щербатый,
Бездонностью скорби влеком?
Кого, на асфальте распятый,
Распятым зовешь языком?..

1981

КЕЛЕ, ЛАО

И день и ночь во мне — все та же песня,
Не звук плывет, а горьковатый дым...
Скорбит старик... И слышно в поднебесье:
“Келе, лао, пойдем к местам родным”.

В кровь сбиты ноги на пути тернистом,
Серп и сума скитальца за спиной...
Как стон, плывет по склонам каменистым:
“Келе, лао, вернемся в край родной!..”

В глазах — печаль, растерянность, тревога,
Вопрос — о, как же быть в конце концов?!
Он обращен к себе, к судьбе и к богу:
“Келе, лао, вернемся в край отцов!”

Нет дела до границ им — детям сирым,
В них жив и вечен простодушный зов
Земли и сердца... И плывет над миром:
“Келе, лао, вернемся в край отцов!”

О, как же так?! Сам — здесь, а дом заброшен,
И мельница не крутится зимой...
И крик души чуть слышен, хоть истошен:
“Келе, лао, пойдем, сынок, домой”.

Как подавить смятенье? Где взять силы
В Сасунском доме? Как унять тоску?
“Келе, лао, вернемся в край наш милый,
Мы поскитались на своем веку...”

И если справедливость есть на свете
И Бог в согласье с правдою земной,
Должны и деды, и отцы, и дети,
Все одолев, вернуться в край родной...

1983

ДЕРЕВО

Когда дровосек приближается, утренней ранью,
Предчувствует дерево — верно считают от века —
Угрозы смертельной, опасности близкой дыханье,
Предчувствует дерево гибель — под стать человеку.

И, чувствуя каждую веткой — конца приближенье,
Все силы оно напрягает и в листьях и в сучьях,
Все соки свои собирает, приводит в движение
И вниз их сгоняет — к корням силой жизни могучей.

Зря точат в лесу топоры и наносятся метки,
Напрасно считают, что впрямь ты и слаб и покорен...
Сто, тысячу раз отсекали в веках твои ветки,
Сто, тысячи новых отростков давал он — твой корень.

1984

* * *

*Боже, ты замесил меня из любви
И отправил в мир, лишенный любви.*

Маро Маркарян

Из глины людской замесил ты меня,
Из гнева и боли, любви и огня,
Из счастья и горя, из правды и лжи,
Из духа борьбы, из испуга души.
Из мощи надежды, из муки обид,
Из крови мятежной, что в жилах гудит.
И кинул сюда, где любовью зажглись,
Меня опалив, Арагац и Масис.

1981

УВЕЩЕВАНИЕ

— Уймись — твердит моя земля, —
Твои стенанья горячи,
Ты можешь исчерпать себя,
Побереги слова, молчи.
Заклеймены мои бока,
Который век я пленена,
Зато я ребрами крепка
И мышцами укреплена.
Границу сверху провели,
Но кровь внутри земли течет —
И мозг спинной внутри земли
Себя питает и народ.

— Уймись, — мне камни говорят, —
Не плачь, не трать свои года,
Не за горами твой закат,
А мы пребудем навсегда.
Мы — герб, мы — храм и мы — хачкар,
На нас родной земли печать,
Мы — Лим, Вараг и Гандзасар*,
Не сокрушить нас, не прогнать.
Мы, камни, как леса страны
Корнями в глубине веков,
Нам древоточцы не страшны,
Нас поруби — мы встанем вновь.

— Уймись, — мне письмена твердят,
Наш раненый язык твердит, —
Не бойся горечи утрат,
Будь выше страха и обид.

Мы знаем: белая резня
Как белокровие страшна,
И ширится день ото дня,
Но не сильнее нас она!
И клетками наш род здоров
И вынесет любой недуг,
И не сгорят в огне костров
Наш манускрипт, наш гордый дух.

— Уймись, — велит моя земля,
Велят с камнями письма, —
Нам дай слова, дай всю себя,
Все, чем душа оскорблена.
Животворящи мы навек —
Недаром Ной сюда пригреб
И здесь причалил свой ковчег,
Когда везде шумел потоп.
Мы отстояли жизнь свою,
Мы здесь навеки, навсегда,
Так смело ожидай зарю
И нашей верой будь тверда.

* * *

Смеюсь ли, плачу — все равно
 Нет мне спасенья от тебя!
Хвалю, клянусь ль — давным-давно
 Нет мне спасенья от тебя.
И так всю жизнь, так всякий миг
 Все о тебе веду я речь.
И, уходя, пойму одно:
 Нет мне спасенья от тебя.

1981

ОТЦУ МОЕМУ

*Памяти Барунака Капутикяна,
члена Дашинакской партии.*

Отнимали тебя у меня,
Смерть взяла, а потом столько лет
Ты опасен был как западня,
На тебя налагали запрет.

Были отняты право и долг
Помнить имя твое и дела,
Было маленькой мне невдомек,
Что сиротство мое предала.

Смерть бессмертье ведет за собой,
Но ни в детских, ни в зрелых слезах
Ты, отец мой, как память и боль
Никогда еще не воскресал.

Ты мне жизнь и Армению дал,
И любовь к ней и к речи родной
Но тебя за бесценный твой дар
Не прославила я ни строкой.

Отнимали тебя у меня —
Уступала... И жизнь — позади.
Покаянно и поздно моля,
Я взываю: отец мой, прости...

1985

СМЯТЕНИЕ

поэма

Хватит, хватит с меня
Этой сладостной боли,
Словно сахар в крови — изнуряющей...
Как я устала
Свой крест, свою долю
Нести...
Кто влил в меня
Эту древнюю кровь,
Загустевшую в долгом пути,
Чтобы вены мои от глухой ее тяжести ныли?
Избавьте меня
От моей же, от собственной крови,
Как от беды, —
Тяжелая кровь тяжелее тяжелой воды...

Кто же обрек меня
Здесь, перед этой надменной горой,
Появиться на свет?
Чтобы душа моя вечно
В этой орбите вращалась
И — где б ни была —
Все сюда возвращалась...
Прикована к каменным льдам Арарата, —
О, как я устала!

Я не Артавазд*,
Отпустите меня, отпустите...
Я тоже хочу, словно Ева,
Легко и по-детски бездумно
Поддаться на миг искушенью,
Предаться усладе вкушенья
Запретных плодов
И, хотя б на мгновенье,
Забыть о грядущем ответе
Пред богом...
Хочу, словно птица,
Я петь для себя,
Для себя —
Просто от ликованья,
Чтоб каждая строчка моя
Не ныряла б веревкою влажной
В колодец
На горькое дно
Армянских веков
И ковш моей песни
Слезами и кровью бы не наполнялся...

* *Артавазд* — армянский царь, дата рождения неизвестна, дата смерти примерно между 160—115 гг. до н.э. При его царствовании страна, разьедаемая междоусобными войнами, приходит к упадку.

Согласно легенде, Артавазд в отчаянии взывает к духу отца, царя Арташеса, и с упреком спрашивает, как ему царствовать над развалинами, когда, уйдя из жизни, отец унес с собой и мир, и благоденствие страны. Разгневанный Арташес проклинает сына, и духи заковывают его в цепи и навеки привязывают к кручам Арарата.

Хватит, хватит уже!
Жить хочу, как дитя,
С безграничною верой в добро.
Я хочу, словно радуга,
Землю обнять
Целиком, а не часть,
К исстрадавшейся — сердцем припасть,
Причастившись простору,
И не прятать, не отворачивать взора
От вкрадчивой сини Босфора...

Хочу я пролиться дождем над полями,
Что в жажде вдали изнывают,
И уже не терзаться,
Что засохшую яблоню
В дедовском Ване
И слезою — росой своею
Окропить я не смею,
И веток не смею касаться...

Хочу окунуться
В ласку музыки
Речи чужой
И не уязвиться душой
Оттого, что те же уста
Безучастны — и немые и глухи —
К речи родной...

Я покоя хочу,
И в гармонию жажду поверить,
И бездонность вселенной

Космической мерою мерить,
И уже не глядеть
В неизбывной печали
На землю, на карту,
Где границы
Режут, как говорят, по-живому,
Рассекая и нервы и вены...

Я хочу дерзновенно
По следам космонавта пройти,
И в пути
Полной грудью вдохнуть это самое
Звездное счастье
Человека грядущего,
И не вспомнить при этом,
Что — как звезды — по свету
Рассеяны мы
И никакая межзвездная трасса
Нас не соединит,
Нас не сможет собрать воедино...

Хватит, хватит с меня этой боли!..
Как самой от себя оторваться,
Спасть, удалиться, уйти —
Самой от себя!..

Ах, эти камни,
Эти бедные камни,
Что касаются моих ног,
Что на каждом шагу — как сироты —
В ночи, поутру,
В тишине, на ветру

За подол мой цепляются.
Дайте, я наклонюсь
И пыльные слезы сотру
С ваших выжженных щек!
Ах, письма, —
Эти бедные письма,
На хачкарах, на скалах,
На рухнувшей древней стене
Во все времена
Внизу, в вышине —
Попираемые и распятые
Всепоощающие письма!
Я с рожденья пред ними стою на коленях
В безмолвных моленьях,
И молитву свою я прервать не могу...
Ах, летящие в небеса
Голоса,
Чьи истоки в глубоких веках,
В струнах арф, что звучали в руках
Бардов седобородых,
Эти ладаном пахнущие голоса:
В них — вкус хлеба,
Свечение любви
И ночная роса, —
Окружают меня,
Расстилаются передо мной,
Поднимаются полем пшеницы,
Льнут к лицу моему,
И мой путь преграждают,
И мой слух улаживают,
И звучат у меня в груди:
“Ари, яр, ари, ес кез инч ари!” —
“Что я сделал тебе? — приди!..”

Ах, тоска,
Эта наша тоска,
Что не подлежит толкованию и переводу!
Как мне прорвать
Ее влажную толщу?
Если даже прорву —
Все равно, как мне быть
С нескончаемой скорбью, с тоской
По той самой тоске
На других берегах, на другом языке, —
Как мне выплакать это?

Ах, Ереван!
Жизнь даривший мне, бравший мою,
Он отец мой, мой сын и мое упование!
Где еще обрело свою плоть
Воскресения чудо —
Как здесь, в Ереване?..
Воскресения чудо —
Что в камне и в красках явилось...
Мне, вдохнувшей, как воздух, как радость,
Его глубину,
Его щедрость —
Как высшую милость, —
Где еще может мыслиться
Дым очага,
Его горечь и сладость?

И он сам наконец,
Арарат!
Как он ни высоко поднялся,
В семь раз глубже уходит он в землю —
Многосложная суть наша,

Наш Арарат!
Всюду — с запада, с севера, с юга, с востока —
С четырех неизменных сторон
Восходящий рассвет — это он,
Это — света купель,
Что и впредь, как досель,
Всякий раз, лишь взгляну,
Словно крестит меня, в своей сини купает,
Очищает меня, обновляет...

Каюсь, каюсь пред вами,
Святая гора
И тяжелая кровь моя,
Доля моя,
Я молю о прощенье
За бунт мой никчемный,
За это смятение.
Каюсь, каюсь, пред вами я,
Тысячу раз...

Но кто же не знает,
Что если кричат — то от боли кричат,
Глаза прикрывают — от режущей ярости света,
Бегут от того, кого любят безмерно и трудно,
Бунтуют, когда убежать невозможно,
И слиться в одно — невозможно...

Армения!
Ты моя трудная, неизъяснимая страсть!
Если на шаг от тебя по одной удаляюсь тропе,
Тысячью троп возвращаюсь немедля к тебе.
Если на миг от тебя отрываюсь всего —
Тысячью рук я вцепляюсь в тебя,

В диком страхе упасть...
Если всего один раз промолчу —
Тысячу раз из тысячи мест,
Прорывая молчанья кору,
Лавой хвала моя извергается
И покрывает бумагу...
Без тебя мне не сделать ни вдоха, ни шага...
Армения!
Сбросить с себя твою тяжесть еще тяжелей,
Взять и рвануться на волю из рук твоих —
Хуже неволи...

И вот — я снова и снова
Склоняюсь под тяжестью
Крови и боли
Над землею тяжелой твоей.
И грешные шепчут уста,
К камням твоим припадая,
— Кланяюсь земно за все —
Каждый час, каждый миг,
И за трудную эту любовь,
И за раны мои и смятенье,
За мое вдохновенье, паренье мое и горенье,
За переполненность сердца —
Несякнуший песен родник —
Благословенье тебе! — повторяю я тысячу раз,
Благословенье за все тебе,
Благословенье!..

1971

ИЗ СТИХОВ
ПОСЛЕДНИХ
ЛЕП

Отцу моему

Памяти Барунака Кичимкина,
члена финляндской партии.

Отнимали тебя от у меня,
Смерть взяла, и потом столько лет
Ты опасен был как занедужа,
На тебя налагали заклят.

Было отнять право и долг
Понимать чья твоя и дела,
Было маленькой мне невдомек,
Что сиротство мое предвзвеш.

Смерть бессмертье берет за собой,
Но ни в детских, ни в зрелых слезах
Ты, отец мой, как память и боль
Никогда еще не воскресал.

Ты мне тизнь и Арлекина дал,
И любовь к маме и к маме родной
Но тебя за бесценный твой дар
Не променяла я ни строкой.

Отнимали тебя у меня—
Уступала... и тизнь-погоди.
Поздно и поздно молла,
Я взываю: отец мой, прости...

1985г.

ТРЕВОГА

Отлученный от совести мира скиталец — народ,
Столько раз ты был изгнан, отвержен, повержен, обманут!
Но опять ты в дороге. И снова над миром плывет
“Лур-да-лур” — тебя снова мелодия древняя манит.

У подножья толпишься... А звуки летят с высоты...
Им в смятении внемлешь, как будто впервые их слышишь.
Очарован мелодией, вверх устремляешься ты
От ступени к ступени — ступая все выше и выше...

Я со страхом смотрю на твой странный, опасный подъем
По ступенькам коварным и шатким той лестницы зыбкой,
И боюсь, что права я в предчувствии вешем своем,
И прозренье мое, к сожаленью, не станет ошибкой.

— Задержитесь, молю!.. — во весь голос хочу закричать,
Вы сорветесь с последней ступеньки, злодейски разбитой!—
Но о стенку сплошной глухоты ударяюсь опять
И немею от боли, беспомощности и обиды.

О мой бедный народ, — мой заблудший ягненок, прости.
Если можешь, прости, что в тяжелую эту минуту
Слова я не нашла, что смогло б остеречь и спасти
От неверной дороги, над бездной взмывающей круто.

Утешенья ища, я в глубокое небо смотрю,
Я смотрю в небеса и с надеждой ищу в них спасенья...

Я из слов, что сказать не сумела, молитву творю
И в мольбу превращаю свой страх и свои опасенья:

О народ мой!.. Дай Бог, чтобы я ошибалась... Дай Бог,
Оказаться неправой во всем!.. Чтобы в силе и славе
Сохранясь, на вершину свою ты подняться бы мог
Без потерь, без помех, — чтоб мечта обернулась бы явью.

Чтоб тебя одарил животворным дыханьем в пути
Долгожданный и чистый рассвет твоего Воскресенья...
И тогда за сомненья мои и мои опасенья,
Мой народ, несмышленную дочь свою дважды прости!..

1992

РОДИНЕ

Все я Бога гневлю, все я жалуюсь, меры не зная,
Собираясь оставить тебя и уйти навсегда.
В одночасье умру, или запросто пуля шальная
Вдруг настигнет меня, унесет, не оставив следа.

Нет, все это неправда! Уйти, умереть не хочу я!
Я весны твоей жду, что нахлынет, ручьями звеня
И зеленою лаской своей твои раны врачую,
Посиневшая в стуже, моя дорогая земля.

Для меня ты извечно — зеленой листвы полыханье,
Для меня ты — невинный младенец, кровинка, дитя...
Не успела, как мать, к твоему, припадая дыханью,
Надышаться тобой, в безвоздушном пространстве летя.

Письменами твоими насытиться я не успела,
Пред хачкаром склониться и вдруг на колени упасть.
В темных сводах Гегарта божественных гимнов не спела,
На священный Масис не смогла наглядеться я всласть.

Я еще не успела свободой твоей насладиться
И размахом пока еще сложенных крыльев твоих.
Но, свободе твоей предстоит еще освободиться
От бесчисленных пут и оков и веревок тугих.

Я еще не устала любить тебя горько и верно,
Не устала от боли твоей, что суровой судьбой
Мне дана, — не устала еще от тревоги безмерной
И от жребия жить, умереть и воскреснуть с тобой —

И я верить в тебя, и я верить в тебя не устала...

1992

* * *

Годы мчатся, свои совершая дела,
Память стала, как сито: уносит куда-то
На закате все то, что с утра принесла,
Перепутав события, лица и даты.

Только ты, неусыпная горечь моя,
Мой народ, в моем сердце господствуешь властно,
Даже если я сплю, ты не дремлешь, — и я
Ко всему, что с тобой происходит, причастна.

Время мчится... Но только бессильно оно
Пред гоненьем твоим, что никак не смирится.
Твои раны, которым зажить не дано,
Из могилы моей еще будут дымиться.

1989

КАМЕШКИ

Словно мальчик из сказки, что мачехи козни
Разгадав, горстку камешков взял про запас
И кидал их — и из лесу ночью беззвездной
Выйти смог, да и братьев от гибели спас, —

Так и я оставляла на трудной дороге
Свои песни в дремучей лесной темноте...
Я роняла, как белые камешки, строки
На тропинке, ведущей к последней черте...

И когда, уподобившись мачехе злобной,
Смерть захочет, чтоб сгинула я без следа,
Я по камешкам-песням, тем братьям подобно,
Возвращусь и останусь средь вас навсегда.

1993

* * *

Приходят и уходят дни в закономерности единой
И чертят на моем лице непреходящие морщины.

Приходят и уходят прочь бесповоротно весны, зимы,
И в зеркале — не я, а мать моя в тоске невыразимой

Глядит в глаза мне... И стекло как бы теплей и чище стало,
И я застыла, будто вдруг нашла того, кого искала.

Она грустит и я грущу... Ну, что поделать, так бывает...
Вся жизнь проходит предо мной — спешит, скудеет,
убывает.

Мы обе замерли — глядеть в глаза друг другу продолжая.
Печаль моя утолена: та, в зеркале, мне не чужая.

Напротив, чувствую, она становится мне все роднее, —
Седая женщина в стекле: я неразъединима с нею.

1993

МОИМ ВНУЧКАМ

Вдали от вас я так по вас тоскую,
Нам поиграть бы, посмеяться всласть!
В опасных играх жизни я рискую
Утратить веру, в безнадежность впасть.

Не вижу вас, не слышу вас подолгу, —
Ведь суждено мне до исхода дней
Нести свой крест мучительного долга
Перед народом и землей моей.

Склоняюсь перед горькою судьбой,
К которой мой приговорен народ.
Долг перед ним всю жизнь несу с собою —
И крест все тяжелей из года в год.

Мечтала тщетно я унять тревогу,
Хотя бы на день обрести покой,
Чтоб с вами посмеяться хоть немного
И поиграть, став бабушкой такой,

Какой ей быть положено от века...
Но день блаженный обошел наш дом.
Да и придет ли? Нет пока ответа...
А вы и знать не знаете о том,

Что на своих дорогах бесконечных,
И в комнате своей уединясь,
Я слышала всегда ваш смех беспечный —
Незримая не прерывалась связь.

Дрожала я над каждым шагом вашим,
Молясь, чтоб вам жилось не так, как мне,
Чтоб вы смеясь по жизни шли, — пусть даже
От всех моих волнений в стороне.

Пусть мне ни пониманья, ни участия
Найти в сердцах у вас не суждено...
Не ждать и не надеяться на счастье
Бог научил меня давным-давно.

1991

СТЕПАНУ ШАУМЯНУ

Глаза твои — как неба синь весной,
Они синей, чем море в день погожий...
На рыцаря из эпоса похожий,
Прекрасен ты, как сказочный герой.

В средневековом замке, взаперти,
Я, девочка, твой светлый лик лелею,
Тобою грежу и себя жалею,
Что наши так и не сошлись пути,

Ты был иной мечтою одержим,
Горел, на подвиг и на смерть готовый.
И я гордилась именем твоим
И гибелью, достойною святого.

...Когда пирует чернь и правит бал,
И запросто с ней справишься едва ли, —
Что сделать, чтоб тебя не растерзали,
Чтоб твой не осквернили пьедестал?

В безвременье, в безумстве смутных дней,
Когда все так запутано нелепо,
Хоть ты пребудь высок и чист, как небо,
До самого конца в душе моей.

1991

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

Тот памятник стоит над Пловдивом седым,
Овеянный весной и ливнями омытый.
Он в городе чужом давно уж стал своим —
Молоденький солдат с улыбкою открытой.

Что знают про него?.. Я вглядываюсь в тьму:
Алешей наречен — он вновь перед глазами.
Жива ли мать его? Кто имя дал ему?
Откуда он пришел? Из Курска? Из Рязани?

Он матери своей является ль во сне,
Смягчающий сердца улыбкой, полной света?..
Но что мне до него, но что за дело мне
До этого всего — и до улыбки этой?..

Какое дело мне, что в Пловдиве зима,
Что в Пловдиве туман, немыслимый, нелепый...
И все искажено — и лица и дома,
Сплошная пелена, и люди будто слепы.

И будто во хмелю, не помня о былом,
Историю забыв, не помня Плевну, Шипку,
В беспамятстве своем схватив топор и лом,
Торопятся разбить Алешину улыбку.

Какое дело мне, какое дело мне,
Что обречен на слом тот памятник солдату,
Когда моя земля изранена, в огне,
В опасности мой дом — сейчас, а не когда-то.

Когда, как в черном сне, во мраке, наугад
Пытаюсь отыскать тропу в густом тумане, —
Я вижу: на меня направил автомат
Молоденький солдат — из Курска ль, из Рязани...

Так почему же я сегодня, как вчера,
Все думаю тайком о памятнике этом?
О том печалюсь я, что искорка добра
Погаснет вдруг — и вмиг мир оскудеет светом.

Да, потому меня не покидает грусть
По искорке добра, что вспыхнув отлетела.
Какой-то малый луч исчез... Ну что ж, — и пусть!..
В конце концов, а мне, а мне-то что за дело!..

1991

БОЛЬ МОНАСТЫРЯ ГАНДЗАСАР

реквием

Залиты кровью долины, ущелья и склоны,
Взяты под стражу дороги и заперты двери.
Слышу, сыны мои, ваши предсмертные стоны...
Как матерей ваших жаль! Чем их муку измеряю?

Ваши могучие предки, взяв на плечи глыбы,
Храм сотворили святой на вершине безгрешной.
Свету молились они семь столетий — могли бы
Солнце зажечь! — да во мгле пребывали крошечной...

Я семь столетий стоял против злобы, — и к Богу
Слово свое возносил... И увидел воочию:
Мир стал бессовестней, враг беспощадней намного,
Ложь и коварство все новые беды пророчат.

Если, не дрогнув, явившись путем некольным,
В крест на груди вашей целится отрок крещеный, —
К Богу какому взывать голосам колокольным?
Внемлет ли кто-то мольбе, к небесам обращенной?

Окаменев над могилами вашими, снова
К вам припаду в целованье последнем губами,
Вам принесу своей боли последнее слово:
Каюсь я, в слабости каюсь своей перед вами,

Жажду, неспящие матери, спящие дети,
Ладан последний возжечь, принести покаянье:
Вы сохранили меня для грядущих столетий —
Вас сохранить оказался я не в состоянии.

1992

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛОМОНУ МУДРОМУ

Тяжелый час пришел — на муках, на крови.
Вот-вот я закричу — куда теперь мне деться?! —
— Царь Соломон, молю, свой меч останови,
Той женщине отдай ты моего младенца...

Но неужели ты не видишь в этот час,
Как он с Ваагном схож, малыш огневолосый?
Печальный взор его миндалевидных глаз
О прадедах его снимает все вопросы.

О, праведный судья, ужель не видишь сам,
Как неотрывно он приник к груди родимой?
Ужель не слышишь крик, что рвется к небесам?
Отчизна от него, как мать, неотторжима.

Ужель не слышишь ты, как день и ночь подряд
К беде колокола гудят над Гандзасаром?
Как по-армянски храм и камни говорят,
И вторят им вокруг колонны и хачкары?

Ужель не дрогнул ты, о мудрый властелин,
При виде юношей, что к гибели готовы?
Герой из эпоса, где против ста — один:
Он гибнет сотни раз — и воскресает снова.

Под пулями стоят невеста и вдова,
Жена и мать — сто лет или четыре года...
В отчаянье кричит душа, едва жива,
В трагическом, слепом предчувствии исхода:

Придумай что-нибудь, мудрец, чтоб уберечь
Дитя — и снять с души гнет нестерпимой муки, —
Чтоб мне не закричать: “Останови свой меч...”
И кровное дитя не дать в чужие руки.

1992

СТИХИ БЕЗ ВЫДУМКИ

...Так вышло, что, как прежде, я на рынок забрела,
Взглянула, ахнув, — и не миг дар речи обрела:

Осенний Ереван — базар, и гул, и кутерьма,
Горами высятся вокруг и персик и хурма.

Смотрю, мне машет продавец, и слышу я сквозь шум:
— Вот дыни сладкие как мед — бери скорей, ханум!..

— Да, дыни сладкие у вас, но горькие дела...
Что скажешь ты про Карабах, где взрывы, кровь, зола?

Не странно ли считать, что все принадлежит здесь вам —
Селенья, крепость, письмена, хачкар и божий храм,

Все это слушать невтерпеж, здесь правды — ни на грош,
Но знай, наш Бог и ваш Аллах не принимают ложь!

— Валлах — биллах, клянусь, ханум, что мы тут ни при чем:
Растим детей, сажаем сад, дом строим, хлеб печем...

Прошу, к нам в гости приезжай, тебе пешкеш — мой дом,
Сама увидишь, что к чему, чем дышим, как живем...

— Что ж, с миром поезжай домой, счастливо, в добрый путь,
Привет мой Дильбази-баджи, — вдруг встретишь
где-нибудь.

...Так разговаривали мы... Но вдруг прервался сон:
Все те же тучи за окном и серый небосклон.

По радио звучат слова — и все померкло миг:
“...Убиты мальчик и старик в селе Нахчеваник...”

1992

УЕЗЖАЮЩИМ

Уезжаете? Что ж, уезжайте, желаю удачи!..
Что скажу вам еще я?.. Пусть жизнь ваша будет светла.
Только вспыхнуло слово родное — и искрой горячей
На дорогу упало и тут же сгорело до тла.
И в ущелье веселый ручей обмелел отчего-то,
И, боюсь, скоро высохнет, вовсе иссякнув ручей...
И вздыхали какие-то двери от тяжелой заботы
И венчали печаль свою звоном прощальным ключей.

Уезжаете? Что ж, отправляйтесь, желаю успеха...
Только знайте, что полуразрушенный домик в Гюмри
Так скучает по добрым рукам и по детскому смеху,
Что замкнулся в себе и молчит от зари до зари.
На погосте в селе Гехасар, стало тесно могилам:
Слишком мало рождений — увы, слишком много смертей...
И по улочкам бегают дети — пустым и унылым,
Ах, какие же грустные игры теперь у детей!..

Уезжаете? Что ж, не осмелюсь сказать “до свиданья...”
Что тут скажешь — лишь Богу известно, увидимся ль мы...
Только вот, говорят, журавли прилетят с опозданием,
И зима будет много морозней обычной зимы.
Замерзающий воин надеждою жив, что на смену
Кто-то все же сумеет явиться в назначенный час.
И усталому мастеру кажется, что несомненно,
Неприменно на помощь торопится кто-то из вас,

Уезжаете? Что ж! И да будет вам легкой дорога!
Только рухнула чья-то мечта и воскреснет едва ль.
Только грустная мать одиноко сидит у порога,
Безнадежно и молча всмотреться пытается вдаль.
Уезжаете?.. Что ж, я об этом жалею, не скрою.
Вам желаю добра — да минует вас зло и обман.
...Забелел пароход, забелел над высокой волною.
Приближается?! Нет, погружается в серый туман...
1992

ВЕКОВАЯ ПЕЧАЛЬ

Во сне я увидела Ван. Все до боли знакомо:
Вот наш Айгестан и калитка родимого дома.
И в белом саду что-то шепчут друг другу на ушко
Три тоненьких девочки-сверстницы, сестры, подружки.
Смотрю я на них на пороге родного жилья
И вдруг узнаю: это бабушка, мама и я.

Гостиная в доме... Ковры и тахты и диваны,
Брат, свекор, свекровь: я смотрю, как они беспрестанно
Выходят и входят... Три люльки качаются мерно,
В них три малыша... Три невестки с усердьем примерным
Хлопочут над ними, тревоги своей не тая...
Я их узнаю: это бабушка, мама и я.

Сумятица, хаос, побоище... В Ване пожары,
Война в Айгестане, звучат боевые фанфары,
Три женщины носят мужчинам воюющим пищу,
Три женщины еле бредут среди беженцев... Ищут
Пропавших, оставших — в отчаянье, слез не тая...
Опять угадали: то бабушка, мама и я.

Двор беженцев полный... Наш дом; на Назаровской ветхий...
А после — над новым жилищем — цветущие ветки,
И новая мебель, и утварь, и дети, и внуки...
И смотрят с балкона три женщины — с болью разлуки
Не в силах смириться, надежду на встречу тая
С землей своих прадедов: бабушка, мама и я.

А годы сменяют друг друга, желанны, постылы...
И вижу во сне я — на Норкском холме три могилы.
Три бедных души упокоились здесь на вершине
С судьбой и мечтой одинаковой — вместе отныне,
С землей расставались в горчайшей тоске бытия
Навеки ровесницы: бабушка, мама и я.

1992

ЭЛЕГИЯ, НАПИСАННАЯ В ЕРЕВАНЕ

Не мой это город, не мой — без тепла и без света...
Куда же меня занесло? Где находимся мы?
Какой-то неведомый остров, чужая планета,
А может — пещера, что сложена прочно из тьмы?

Да где ж это я? Незнакомые бледные тени,
Внезапно возникнув, блуждают, как призраки, здесь.
Лишенное таинства горькое поминовение:
Зажженных свечей — но не в храме, а в доме — не счесть.

И город, и голод, и холод, — рифмуясь, налажен
Союз их, — змеились вокруг обессиленных тел.
Сжималась душа, и садилась на помыслы сажа,
И чрево алкало... повсюду царил беспредел.

Не мой это город, не мой это город! Он странен,
Чужое дыханье, шаги, ни тепла, ни огня...
Изгнаннице в доме родном, — как бы мне в Ереване
Опять оказаться... Верните в мой город меня...

18 февраля 1994 г., Ереван.

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Снова ночь. Фонари за окошком моим зажелтели.
Свет гашу — меж дремотой и явью стираю границы.
Погружаюсь в блаженство удобной и теплой постели —
Мне не спится, не спится...

...Там зима непохожа на зиму. Там небо — не небо.
Там беда, что еще не имеет названья, таится.
Там не жизнь — полужизнь: ни огня, ни воды и ни хлеба, —
Мне не спится, не спится...

У младенца продрогшие ножки в пеленках намокших,
Как согреть их? Не знаю... Вокруг — изможденные лица.
Сколько их в эту ночь — обессиленных и занемогших!
Мне не спится, не спится...

Угасающий старец чуть дышит в преддверье исхода,
Врач плетется пешком — тщетно силится поторопиться.
Гаснет капля свечи, задохнувшейся без кислорода, —
Мне не спится, не спится...

Дым и пепел в горах... Сколько пролито крови безвинной!
И в смертельных сражениях долго ли ей еще литься?
Кто сегодня остался без мужа, без брата, без сына?..
Мне не спится, не спится...

Пред глазами моими снега, словно саван, белеют:
Что-то невозместимое гибнет и не возродится..
Мир уснувший безмолвен... Быть может, он тоже болеет?..
Мне не спится, не спится...

1993

* * *

Надень пальто: весна твоя
 Прошла давно — идет зима.
Ты память затвори, как дверь,
 Закрой окно — идет зима.
Нет времени, не возражай
 Глупцам... Спасай свой урожай,
Иначе снегом будет все
 Занесено — идет зима.

1982

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Оскоцкий. Автограф. Дневник. Автопортрет.</i>	5
--	----------

Не смеешь ты меня забыть

<i>“Ушел... ”. Перевод М.Львова</i>	17
<i>Песня любви. Перевод В.Корнилова</i>	18
<i>“Любовь большую мы несем...” . Перевод М.Алигер</i>	19
<i>“Ты в сердце моем, в дыханье моем...” . Перевод В.Звягинцевой</i>	20
<i>“Когда ты меня провожаешь домой...” . Перевод В.Звягинцевой</i>	21
<i>Дни влюбленности. Перевод Б.Окуджавы</i>	22
<i>Имя твое. Перевод В.Звягинцевой</i>	23
<i>“Нет! Я видеть тебя не хочу ...” . Перевод Л.Мартынова</i>	24
<i>“Часы ожидания ...” . Перевод И.Снеговой</i>	25
<i>Тревога. Перевод И.Снеговой</i>	26
<i>“Идешь ты мимо дома моего ...” . Перевод Е.Николаевской</i>	27
<i>“Ты устал, ты изнемог ...” . Перевод В.Потаповой</i>	28
<i>“В хрустальной вазе на столе твоём ...” . Перевод М.Алигер .</i>	29
<i>На перроне. Перевод В.Потаповой</i>	30
<i>Зов. Перевод Т.Спендиаровой</i>	31
<i>“Живи как хочешь — я мешать не буду...” . Перевод Э. Александровой</i>	32
<i>Забвение. Перевод Е.Николаевской</i>	33
<i>В минуту тоски. Перевод М.Петровых</i>	34
<i>“Когда б любовь моя была ...” . Перевод В.Тушиновой</i>	35
<i>“Судеб я наших в мыслях не связала ...” . Перевод Э.Александровой</i>	36

“Смеюсь несдержанно и бойко ...”. Перевод Б. Окуджавы	37
“В дыму горячем горького прощанья ...”. Перевод М. Алигер	38
“Вы чуете ль тоску взрыхленной нивы ...”. Перевод Э. Александровой	39
“Как быстро юность отошла ...”. Перевод В. Звягинцевой ...	40
“Если б, в тебе разуверившись, я ...”. Перевод В. Потаповой	41
Весна. Перевод И. Снеговой	42
“Была добра любовь моя ...”. Перевод М. Петровых	43
По народным мотивам (8 стихотворений). Перевод В. Звягинцевой, Э. Александровой, Б. Садовского, И. Снеговой, Е. Николаевской	44
Шуточные (3 стихотворения). Перевод В. Звягинцевой, Е. Николаевской, Ю. Мориц, Л. Гинзбурга, В. Тушиновой ...	49
Саят-Нова. Перевод М. Петровых	51
“Как с гор, струясь ...”. Перевод В. Звягинцевой	53
“В московском говоре весеннем ...”. Перевод Ю. Мориц	54
“Сверкает, рассыпаясь, новогодний ...”. Перевод Л. Гинзбурга	55
В лесу. Перевод В. Тушиновой	56
“Не так уж много помню я про это ...”. Перевод В. Звягинцевой	57
“Снег падает. Пушистый, невесомый ...”. Перевод В. Звягинцевой	58
Жене. Перевод В. Тушиновой	59
Вечер. Перевод В. Тушиновой	60
Под киевскими каштанами (3 стихотворения). Перевод И. Снеговой, Е. Николаевской	62
Годы спустя. Перевод И. Снеговой	64
“Разрыва боль не унималась долго ...”. Перевод И. Снеговой	65
“Да, я сказала: “Уходи” ...”. Перевод М. Петровых	66

Весенняя тоска. <i>Перевод Э.Александровой</i>	67
Дождь. <i>Перевод Э.Александровой</i>	68
“Я поведу плечом надменно, гордо ...”. <i>Перевод</i> <i>Э.Евтушенко</i>	69
“Объятый именем моим ...”. <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i> ...	70
5 октября 1957 года. <i>Перевод В.Корнилова</i>	71
Лунный свет. <i>Перевод А.Вознесенского</i>	72
“Нет для тебя ни преград, ни помех ...”. <i>Перевод</i> <i>М.Петровых</i>	73
“Зачем хочу я крыльев и полета...”. <i>Перевод</i> <i>В.Звягинцевой</i>	74
Весна в лесу (5 стихотворений). <i>Перевод Ю.Хазанова,</i> <i>В.Тушиновой</i>	75
“Не заставь меня плакать...” <i>Перевод М.Петровых</i>	80
“Веревками сердце свое свяжи ...”. <i>Перевод И.Снеговой</i>	81
“Вот какой он, асфальт ...”. <i>Перевод Б.Окуджавы</i>	82
Осенний зов. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	83
“Если ты пришел бы, ты пришел, мой милый ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	84
“Не надо, милый, кляत्व, ведь это слепота ...”. <i>Перевод</i> <i>Ю.Ряшенцева</i>	85
“Нас город девяти вокзалов свел ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	86
“Любимый, эта тишь, как лед, звонка ...”. <i>Перевод</i> <i>Ю.Мориц</i>	87
Верность. <i>Перевод И.Снеговой</i>	88
Разрыв. <i>Перевод М.Петровых</i>	89
“Чтобы поднять тебя на пьедестал ...”. <i>Перевод</i> <i>М.Петровых</i>	90
“Я слабой была, но я сильной была ...”. <i>Перевод</i> <i>Б.Ахмадулиной</i>	91
“Не думай, что был ты всех лучше и выше ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	92
На полустанке. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	93

“Во мне нет-нет да оживет ...”. <i>Перевод Э.Балашева</i>	94
“Настоящее нас развело ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	95
“Не вспоминается один — единственный ...”. <i>Перевод</i> <i>М.Петровых</i>	96
“...И забыть, что есть дом, — и свой дом позабыть ...”. <i>Перевод Ю.Мориц</i>	97
Из последних песен. <i>Перевод М.Петровых</i>	98
“Ты моей любовью был, тайный свет бывшего ты ...”. <i>Перевод М.Петровых</i>	99
“Любовь, смятение и тоска потерь ...”. <i>Перевод М.Дудина</i> ..	100
Зимний вечер. <i>Перевод М.Петровых</i>	101
Лилит. <i>Перевод М.Петровых</i>	102
Клеопатра. <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	103
Дума о любви. <i>Перевод Л.Мартинова</i>	105
Слова любви. <i>Перевод М.Петровых</i>	106
Песня песен. <i>Перевод Б.Окуджавы</i>	107
Творчество. <i>Перевод М.Петровых</i>	108

Чужая радость мне - своя

“Не жалуюсь на сердце я ...”. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	111
Моей матери. <i>Перевод М.Петровых</i>	112
Остановись, человек! <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	113
“Сердцу земли мое сердце сродни ...”. <i>Перевод</i> <i>В.Потаповой</i>	115
“Проснулся день, смеясь, шутя, под вешним солнышком блестя...”. <i>Перевод М.Петровых</i>	116
У колыбели. <i>Перевод М.Петровых</i>	117
“То напев, любимый с детства ...”. <i>Перевод В.Потаповой</i> ..	118
Моему ребенку. <i>Перевод М.Петровых</i>	119
“Звезды свет молочный льют ...”. <i>Перевод В.Потаповой</i>	120
“Устав от огорчений повседневных ...”. <i>Перевод</i> <i>М.Львова</i>	121
“Наверное, меня поймет лишь мать ...”. <i>Перевод</i> <i>В.Звягинцевой</i>	122

В Цахкадзоре. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	123
Песня матери. <i>Перевод М. Замаховской</i>	124
Сыновьям. <i>Перевод Ю.Мориц</i>	126
Песни о родниках-памятниках. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	128
“Учебники сын раскидал по столу ...”. <i>Перевод В.Тушиновой</i>	130
Мать и сын. <i>Перевод М.Петровых</i>	131
“Уходят сыны, уходят сыны ...”. <i>Перевод М.Алигер</i>	133
“Твердь земную пропитала кровь ...”. <i>Перевод М.Светлова</i>	134
Письма. <i>Перевод В.Потаповой</i>	135
Раскаяние. <i>Перевод М.Петровых</i>	136
“Не вернулся сын твой с поля боя ...”. <i>Перевод Э.Александровой</i>	137
Вдове героя. <i>Перевод И.Снеговой</i>	138
Девочка в лесу. <i>Перевод М.Петровых</i>	139
Земля. <i>Перевод М.Петровых</i>	140
Война. <i>Перевод М.Алигер</i>	141
В севанских горах. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	143
На юбилее Джамбула в Алма-Ате. <i>Перевод М.Петровых</i> ..	144
Запоздалая весна. <i>Перевод М.Светлова</i>	145
Моей песне. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	146
Запоздавшие слова. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	147
Осенний сад. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	149
Жизнь моя. <i>Перевод М.Петровых</i>	150
“Как я люблю тебя, осень...”. <i>Перевод В.Звягинцевой</i> ...	151
Весеннее. <i>Перевод Ю.Мориц</i>	152
Лоза. <i>Перевод М.Светлова</i>	153
Обновление. <i>Перевод М.Петровых</i>	154
На пороге Нового года. <i>Перевод М.Петровых</i>	155
Весна на вершинах. <i>Перевод М.Петровых</i>	156
“Я стосковалась...”. <i>Перевод М.Петровых</i>	157
Царь-колокол. <i>Перевод М.Петровых</i>	158
Моему Богу. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	159

Иронические стихи. <i>Перевод М.Дудина</i>	160
“Когда б я могла ...”. <i>Перевод М.Петровых</i>	161
“Ты дал мне жизнь, чтоб весела ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i> ..	162
“Друзья потерялись один за другим ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	163
“Как жаль, что стала я теперь другой ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	164
“Не мерить меркою своей ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i> .	165
“Суметь бы слиться мне с темнотой ...”. <i>Перевод</i> <i>В.Корнилова</i>	166
“В душе своей, ношею долга согбенной ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	167
“Если тайком навлеку беду ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	168
“Радостно открыла я глаза ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	169
“Не печалься, что морщинки ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	170
“Когда чей-то мальчик рыдает ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i> ...	171
“Много ль, мало ль отдала ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	172
“Треснуло стекло. Чуть слышный звук...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	173
“Тяжко свидание, тяжело прощание ...”. <i>Перевод</i> <i>В.Корнилова</i>	174
“Идеи чадят и дымят, но есть ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	175
“Дороги ни вперед и ни назад ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	176
“Дым не страшен... Страшись ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	177
“Сколько их — похожих, что кричат про смелость ...” <i>Перевод Е.Николаевской</i>	178
“Супротив друг друга стоим ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	179
“Не прославлены нисколько ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	180
“Умершему — хвала, почет ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i> ..	181
“Совсем истомились, устали вконец ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	182
“Твои друзья, подобно шахматным фигурам ...”. <i>Перевод Ю.Мориц</i>	183

Экспромт. <i>Перевод В.Корнилова</i>	184
Зачем тогда жить? <i>Перевод В.Корнилова</i>	185
“Сотвори добро и в воду брось ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i> ...	186
“Ты с капелькой росы росток ...”. <i>Перевод В.Корнилова</i>	187
Баллада о короле Бернадоте. <i>Перевод В.Корнилова</i>	188
Дом Пастернака в Переделкино. <i>Перевод В.Корнилова</i>	189
Поэты. <i>Перевод В.Корнилова</i>	191

Суди меня лишь с ними наравне

“Безоблачен был ранний мой рассвет ...”. <i>Перевод</i> <i>М.Петровых</i>	195
Слово сыну. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	197
“Армянская страна, родная сторона ...”. <i>Перевод</i> <i>В.Звягинцевой</i>	199
Любовь к родине. <i>Перевод Б.Окуджавы</i>	200
Ореховое дерево. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	201
Быть или не быть? <i>Перевод Б.Окуджавы</i>	202
Песня о наших камнях. <i>Перевод Е.Евтушенко</i>	204
Армянские глаза. <i>Перевод Э.Александровой</i>	206
Наш пантеон. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	207
Тополь в Карабахе. <i>Перевод В.Звягинцевой</i>	208
Карабахское наречие. <i>Перевод Б.Слуцкого</i>	209
Ассирийка. <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	210
На дальних дорогах. <i>Перевод М.Петровых</i>	211
Встреча на Эйфелевой башне. <i>Перевод М.Петровых</i>	212
Слово перед казнью. <i>Перевод М.Дудина</i>	214
Мои истоки. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	215
Голос Нвард. <i>Перевод М.Петровых</i>	216
Вдали от Армении. <i>Перевод М.Петровых, В.Звягинцевой</i>	218
Вопреки геологии. <i>Перевод В.Корнилова</i>	219
“Твой хлеб — с просвирку ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	220
“Ты не потому ли так мал, Айастан ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	221

“К тебе с огнем являлись и с мечом ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	222
“Чтобы выстоять, ты письма ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	223
“С высот армянских крепостей ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	224
“Озаренностью святою ...”. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	225
“О душа, чтоб тебе не застыть, — по горе ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	226
Подражание Хайяму. <i>Перевод В. Корнилова</i>	227
“Пускай синевою фиалки горят ...”. <i>Перевод В. Корнилова</i> ...	228
“Ты, ветер, без разума к морю несешь ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	229
“В Армении моря не сыщешь ...”. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	230
“Надеждой распахали грудь твою ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	231
“Века и мир — свидетели тому ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	232
“Видит Бог, мне не песни отрада нужна ...”. <i>Перевод</i> <i>В. Корнилова</i>	233
“Ты стисни зубы, только слез пред всеми ...”. <i>Перевод</i> <i>Е. Николаевской</i>	234
“Грустный вальс, написанный под грохот приемника ...”. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	235
Сон. <i>Перевод В. Корнилова</i>	237
Лур-да-лур. <i>Перевод В. Корнилова</i>	238
Последнее прощанье. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	239
Не завидую. <i>Перевод В. Корнилова</i>	240
Памятник жертвам геноцида в Марселе. <i>Перевод</i> <i>А. Налбандяна</i>	241
Келе, лао. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	242
Дерево. <i>Перевод Е. Николаевской</i>	243
“Из глины людской замесил ты меня ...”. <i>Перевод</i> <i>В. Корнилова</i>	244

Увещание. <i>Перевод В.Корнилова</i>	245
“Смеюсь ли, плачу — все равно ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	247
Отцу моему. <i>Перевод В.Корнилова</i>	248
Смятение. <i>Поэма. Перевод Е.Николаевской</i>	249

Из стихов последних лет

Тревога. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	259
Родине. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	261
“Годы мчатся, свои совершая дела ...”. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	262
Камешки. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	263
“Приходят и уходят дни в закономерности единой ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	264
Моим внукам. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	265
Степану Шаумяну. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	267
Баллада о памятнике. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	268
Боль монастыря Гандзасар. <i>Реквием. Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	270
Обращение к Соломону Мудрому. <i>Перевод</i> <i>Е.Николаевской</i>	271
Стихи без выдумки. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	272
Уезжающим. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	273
Вековая печаль. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	274
Элегия, написанная в Ереване. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	275
Вдали от дома. <i>Перевод Е.Николаевской</i>	276
“Надень пальто: весна твоя ...”. <i>Перевод Е.Николаевской</i> ...	277

ББК 84 Ар7
К 20

Оформление
К.Ш.Баласановой

Капутикян С.Б.
К 20 НЕ СМЕЕШЬ ТЫ МЕНЯ ЗАБЫТЬ!: Избр. /
Предисл. В.Оскоцкого. — М., "ACADEMIA" — "РАНДЕВУ-
АМ", 1998. с.288

ISBN 5 — 87532 — 126 — 3

В книгу стихов известной армянской поэтессы
С.Капутикян вошли как новые, так и уже опубликованные
стихотворения и поэмы.

ББК 84 Ар7

ISBN 5 — 87532 — 126 — 3

© Капутикян С., 1998

Капутикян С.Б.
НЕ СМЕЕШЬ ТЫ МЕНЯ ЗАБЫТЬ!
Избранное

Издательство “ACADEMIA” — “РАНДЕВУ-АМ”
129272, г.Москва, Олимпийский просп., д.30
ЛР № 065494 от 31.10.97

*

Формат 84x108/32. Усл. печ.л. 9.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 6027
Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ
140010, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403
тел. 554-21-86

В эти трудные времена, когда день из дня обрывались привычные нити между писателем и читателем, я рада, что у меня появилась возможность снова встретиться с читателем и продолжить начатую еще полвека назад беседу. Я не случайно написала здесь слово «беседа», ибо эти мои встречи скорее напоминали беседу — открытую, доверительную, со взаимной душевной отдачей. Да, именно отдачей. Ведь по-настоящему восприятие искусства, музыки, живописи, поэзии тоже требует напряженной работы души, такого же настроения чувств и мысли, чтобы вместить, растворить в себе то, что художник вложил в свое творение.

Уже много лет я бережно храню клеенчатую общую тетрадь, привезенную из города Пензы. В конце литературного вечера в том старинном русском городе ко мне подошла девушка, в руках которой была тетрадь. Она попросила оставить на ней автограф. Смотрю — почти все страницы испещрены моими стихами. Меня это очень растрогало, и я предложила девушке обменяться: я подарю ей оставшийся у меня сейчас единственный экземпляр моего сборника с надписью, конечно, а она оставит мне свою тетрадь. Думалось, что девушка охотно пойдет на обмен. Но нет, она замешкалась. Видно, ей трудно было расстаться с этими уже изрядно потрепанными листками. И понятно. Переписанные ее рукой стихи как бы стали ее стихами, можно сказать, были «приватизированы» ею, созданы ее душевной отдачей. Они запечатлели заветные минуты ее жизни, следы прожитых радостных и печальных дней.

За всю мою долгую, увы, уже восьмидесятилетнюю жизнь для меня всегда были истинным счастьем встречи с такими вот читателями, как эта девушка из Пензы. И сегодня, уже почти исколесив отпущенную мне дорогу, я, с надеждой снова испытать такое же счастье, представляю мою «общую тетрадь» — сборник избранных стихов, где запечатлены заветные минуты моей жизни, следы прожитых мною радостных и печальных дней...

Сильва Капутикян